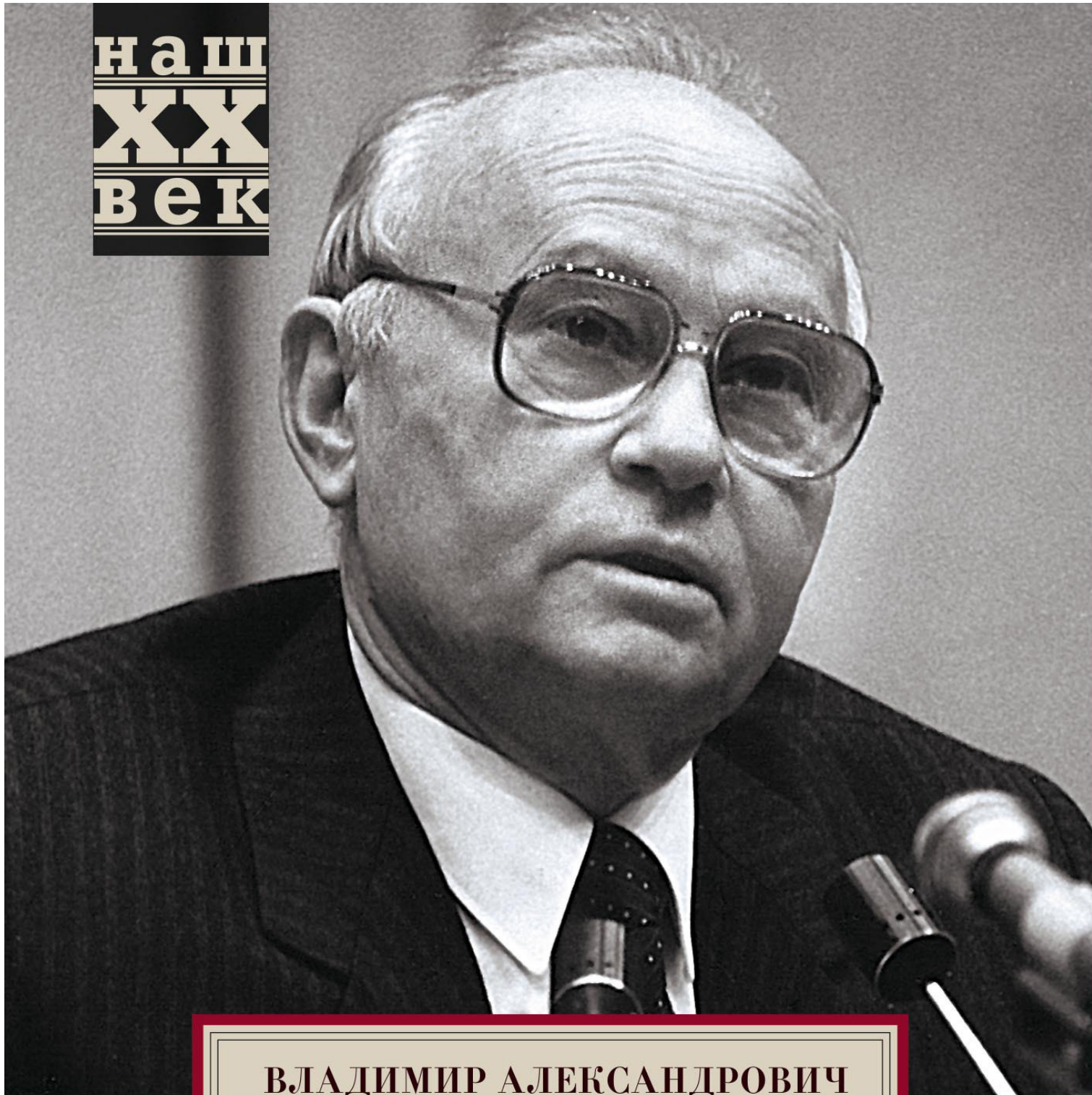

наш
XX
век

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

КРЮЧКОВ

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

ТРИ ДНЯ И ВСЯ ЖИЗНЬ

Наш XX век

Владимир Крючков

Личное дело. Три дня и вся жизнь

«Центрполиграф»

2000

УДК 821.161.1-94
ББК 63.3-8

Крючков В. А.

Личное дело. Три дня и вся жизнь / В. А. Крючков —
«Центрполиграф», 2000 — (Наш XX век)

ISBN 978-5-227-07901-5

Автор книги – бывший председатель КГБ СССР, член просуществовавшего три дня в августе 1991 года Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), – делаясь с читателем воспоминаниями о собственном жизненном пути, размышляет о важнейших исторических событиях, свидетелем или непосредственным участником которых он был. Значительное место в мемуарах В.А. Крючкова уделено деятелям высшего эшелона партийно-государственного руководства. Опираясь на тот огромный объем информации, которым автор располагал как председатель КГБ СССР, во второй части своих воспоминаний он рассказывает о горбачевской перестройке, о нелегкой работе органов госбезопасности в этот период, о деятельности спецслужб иностранных держав в нашей стране, анализирует процессы, приведшие к распаду СССР.

УДК 821.161.1-94
ББК 63.3-8

ISBN 978-5-227-07901-5

© Крючков В. А., 2000
© Центрполиграф, 2000

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Владимир Александрович Крючков

Личное дело. Три дня и вся жизнь

Издательство благодарит С.В. Крючкова за помощь в издании книги

Предисловие

Писать книгу воспоминаний с изложением своего видения происшедшего и происходящего я начал еще в «Матросской тишине» в сентябре 1991 года, там же и был закончен ее первый вариант.

Шестьдесят лет свободы, честной, ничем не запятнанной жизни, и вдруг тюрьма! Арест, следствие и предстоящий суд... После ареста приходишь в себя не сразу, да и придешь ли когда-нибудь полностью? Вряд ли! Жизнь, если можно назвать пребывание в тюрьме жизнью, идет в особом измерении. Порой кажется, что ты находишься в каком-то кошмарном сне! Вот сейчас он наконец-то закончится и ты снова окажешься на свободе, в привычной для тебя среде, а сон этот останется в памяти просто неприятным воспоминанием... Но, к сожалению, жестокая реальность не дает «проснуться», и ты начинаешь мучительно осознавать, что жизнь действительно сыграла с тобой такую злую шутку...

В «Матросской тишине» для меня первым, совершенно необычным чувством оказалось в корне изменившееся ощущение времени. Долгие годы время представлялось мне чуть ли не самым дорогим, что у меня было. Его всегда не хватало, и я берег каждую минуту, искренне жалел о каждой потере. Причем жалел просто до отчаяния! И вдруг все разом изменилось – время как будто остановилось, оказалось совсем ненужным и даже обременительным.

Трудился в камере, естественно, украдкой и при плохом освещении, не имея под рукой никаких материалов. Соседи с пониманием и одобрением относились к моему творчеству, старались по мере сил создать хоть какие-то условия для работы, но, следуя неписаным тюремным законам, стремления ознакомиться с содержанием моих записей не выказывали. Помогали же тем, что соблюдали тишину, прикрывали от глаз охраны, проявляя при этом недюжинную смекалку, и старались достать для меня хоть какие-нибудь материалы, принося после встреч с адвокатами или родственниками газеты или интересные вырезки, а то и просто устные новости, которые, по их мнению, могли бы мне пригодиться.

Большая часть воспоминаний написана, таким образом, мною по памяти. Даже оказавшись на свободе, я так и не получил доступа ни к каким документам Комитета госбезопасности, ЦК КПСС или правительства. Пришлось довольствоваться лишь тем, что можно было почерпнуть из открытой печати. По этой причине в изложении некоторых событий отсутствуют точные даты, мало цитат, однако суть описываемых событий доводится до читателя без искажений. За это могу поручиться.

Помню, как-то в тюрьме я потерял несколько десятков уже готовых страниц рукописи, и мне пришлось заново восстанавливать их. Я сделал это, кляня себя за небрежность и за этот напрасный труд, как всегда сожалея о потерянном времени. Спустя несколько месяцев утраченные листочки, будь они неладны, все же нашлись. Каково же было мое удивление, когда после сверки я обнаружил почти полное совпадение текстов – старого и написанного мною вновь. Я обрадовался не только тому, что в очередной раз проверил свою память, но и мысли о том, что так и должно быть всегда, когда человек говорит правду.

Постоянно я ощущал пусть и незримую, но очень важную для меня поддержку, которая исходила от тысяч и тысяч незнакомых мне людей. Их голоса не только доносились через

толщу тюремных стен, звучали в печати, по радио и телевидению, раздавались на площадях и улицах, но и доходили в виде множества писем, которые нескончаемым потоком шли в «Матросскую тишину», моим адвокатам и родственникам. Именно эти люди, а также те, кто пусть и не выражал свои чувства открыто, но в душе продолжал и продолжает поддерживать нас, носят это гордое имя «народ», делу служения которому я и посвятил без остатка всю свою жизнь!

Не считая нужным кардинально менять что-либо в написанном пять лет назад предисловии к двухтомнику, не могу не сказать о тех обозначившихся в самое последнее время внутренних и внешних обстоятельствах, которых я не мог не учитывать во время работы над новым изданием книги.

Во-первых, с официальной политической арены ушел бывший президент России Б. Ельцин. И хотя он еще не оказался в рамках политического небытия, тем не менее можно утверждать, что к концу 1999 года завершился период трагического, мрачного, разрушительного правления этой личности и начался новый этап в жизни России.

О роли Б. Ельцина в истории нашей страны можно будет объективно говорить лишь после того, как с годами выйдет наружу вся правда о «делах» и «творениях» этого человека.

Вместе с Ельциным займет свое позорное место и первый президент Советского Союза М. Горбачев. До последнего времени у нас в стране и за рубежом (преимущественно среди наивных людей) возникали споры о том, что в действиях и политике Горбачева по развалу Советского Союза было случайным или вызванным стечением сложившихся обстоятельств, а что преднамеренным, осознанным. Ответ на этот немаловажный вопрос всем недавно, в августе 2000 года, на семинаре в Американском университете в Турции дал сам Горбачев, прямо заявивший: «Целью моей жизни было уничтожить коммунизм, невыносимую диктатуру над людьми» (газета «Советская Россия» от 19.08.2000).

В этом интервью Горбачев окончательно саморазоблачается как безусловный предатель тех многих миллионов людей, которые шли за ним, веря в его разглагольствования о коммунизме и социализме. Показывает неприглядную роль своих ближайших сподвижников – А. Яковлева и Э. Шеварднадзе. Трусливо пытается полностью переложить вину за развал СССР на Ельцина. Кстати, десять лет подряд он не переставал кричать, что Советский Союз развалили гэкачеписты.

Во-вторых, в конце 1999 – начале 2000 года на российском государственном Олимпе появилась новая политическая фигура – Владимир Владимирович Путин. Избрание В. Путина президентом Российской Федерации было положительно встречено не только теми, кто проголосовал за него, но в общем-то подавляющей частью населения страны. Люди, включая левый и правый электорат, связывали и связывают с его приходом к власти большие надежды.

Как бы то ни было, уже сейчас очевидно одно: новый президент во всех отношениях лучше прежнего (ведь хуже Ельцина трудно себе представить). Другое дело – как эти надежды людей оправдываются...

Президент демонстрирует огромную работоспособность, энергию, организованность и довольно терпимое отношение к тем, чьи взгляды наверняка не разделяет. Он сменил на государственных должностях наиболее одиозные фигуры и быстро наладил деловые взаимоотношения с законодательными органами. На международном поприще совершил целый ряд полезных визитов и принял в стране видных деятелей отдельных государств, в развитии отношений с которыми Россия заинтересована.

С другой стороны, реальные изменения в жизни людей происходят медленнее, чем хотелось бы.

Думается, рудименты политики ельцинского периода, направленной на разрушение всего и вся, не позволяют рассчитывать на быстрое преодоление глубочайшего кризиса, в который оказалась ввергнута Россия. Тем более что сохраняются внутренние и внешние угрозы для страны. Что касается внутренних угроз, то основная из них – это тяжелейшее положение с

отечественным производством. Не работает основной источник пополнения жизненных ресурсов государства. Расчет лишь на рыночные механизмы – грубейшая ошибка. Ни одно высоко-развитое капиталистическое государство ни в прошлом, ни сейчас не избавлялось от кризисных явлений без определяющей роли государственных институтов. Россия, экономика которой совсем недавно была почти полностью государственной, не может рассчитывать только на рынок. Такая политика будет сопровождаться новыми кризисными всплесками, загоняя вглубь то, что разрушает общество и страну.

Что касается внешних угроз, то они, к сожалению, сохраняются и, более того, становятся еще рельефнее. Республиканская партия США, идя на президентские выборы 2000 года, абсолютно четко заявила: «Республиканцы – это партия, выступающая за мир с позиции силы». Такой же политики придерживаются и американские демократы. И те и другие заявляют, что установившееся лидерство США в мире будет обеспечиваться и далее всеми имеющимися у американцев средствами. Для нас такое положение – жестокая реальность. Если Россия эту реальность проигнорирует, то придет время и целостность нашего государства окажется под угрозой.

Возможности для защиты Отечества создаются не в одночасье. Для этого требуются время, надлежащие силы, политическая воля, облеченная в соответствующую внутреннюю и внешнюю политику.

Новый президент России обладает необходимыми личными качествами и потенциалом, так что дело за решимостью употребить их на благо возрождения великой России.

При подготовке настоящего варианта своих воспоминаний, учитывая интерес читателей, дополнил текст характеристиками трех президентов США – Картера, Рейгана и Буша. Именно при них разворачивались события, связанные с Советским Союзом и затем Россией, происходившие в описываемый период. Книга пополнилась также размышлениями о ведущих фигурах американского политического истеблишмента того времени – Киссинджере и Бжезинском. Кроме того, в настоящее издание включены дополнительные материалы о последних месяцах жизни Ю. Андропова, сведения о некоторых политических деятелях советского и постсоветского периода, а также отдельные дополнения и уточнения описанных ранее событий.

Ряд прогнозов, сделанных автором в предыдущих изданиях «Личного дела», пришлось подкорректировать: к сожалению, события развивались и пока развиваются по худшему варианту, чем можно было предположить прежде.

В работе над этой книгой автору оказали большую помощь бывшие сослуживцы, адвокаты, родные и близкие друзья. Всем им моя огромная искренняя благодарность.

Пользуясь случаем, автор благодарит читателей, приславших отзывы о предыдущем издании книги, поддержавших его позицию и высказавших свои суждения о трагических событиях, обрушившихся на нашу Отчизну в последние годы.

1995–2002

Глава 1

Начало жизненного пути

И до тюрьмы, и за те полтора года, что я провел в камере, не проходило дня, чтобы передо мной так или иначе не возникал образ отца. Чисто детские картинки – воспоминания сменялись долгими беседами, в ходе которых я часто в мыслях искал у отца совета и поддержки.

Мой отец, Крючков Александр Ефимович, родился 19 ноября 1889 года в городе Царицыне – затем Сталинграде, ныне Волгограде – в семье рабочего-котельщика. Жили большой семьей небогато, но за счет своего трудолюбия были сыты, худо или бедно, но обуты и одеты. Ютились то в землянке, то в небольшом домишке на окраине города, где снимали угол. Лишь со временем родителям отца удалось приобрести свой крохотный глинобитный домишко, наполовину вросший в землю, который поначалу не имел даже деревянного пола. Много лет спустя к этому однокомнатному строению, разделенному внутри лишь символической перегородкой, приделали сени, прорубили еще одно оконце. Так постепенно эта полуземлянка превратилась в нечто отдаленно похожее на жилой дом. В нем-то и прожили мои дед с бабушкой до конца своих дней. Вот о них мне хотелось бы немного рассказать.

Дед, Ефим Николаевич Крючков, работал на нефтебазе шведского капиталиста Нобеля поначалу простым рабочим, а затем писарем. Сам выучился читать и писать, причем писал довольно складно, грамотно и красивым почерком. По просьбе рабочих дед бесплатно составлял всякого рода письма, ходатайства и прошения. Эта грамотность, мягкий и отзывчивый характер в один прекрасный день, как это водится на Руси, обернулись для деда большой бедой. А история такова.

Жизнь у рабочего человека была в те времена крайне тяжелой. Трудились на износ, едва волочили ноги к субботней получке, а после нее шли в кабак, чтобы хоть как-то отвлечься от повседневных тягот. В воскресенье приходили в себя, с тем чтобы с понедельника вновь впрячься в лямку. Так и шли недели, месяцы, годы. Ясно, что старость и болезни в таких условиях долго себя ждать не заставляли. А с ними человек неизбежно лишался работы, обрекая себя на полуголодное, чтобы не сказать хуже, существование. Хорошо тому, у кого есть работающие дети, которые могут помочь, а как быть остальным? Вот мой дед и решил как-то помочь нескольким бедолагам, которых уволили с работы по болезни. В связи с тем что причиной их нетрудоспособности явилась авария, случившаяся на заводе, мой дед составил от имени потерпевших прошение, да не кому-нибудь, а самому царю. Ответ, разумеется, был отрицательным, причем, на другую реакцию особенно и не рассчитывали.

Полученный отказ окончательно обрекал бедняг на полуголодную жизнь и медленное умирание. Это обстоятельство и толкнуло деда на отчаянный шаг: он искусно подделал текст ответного письма, обязав хозяина выплатить пострадавшим единовременное пособие и установить пенсию за причиненные увечья. Однако подлог в конце концов все-таки вскрылся, в результате чего деда самого выгнали с работы и даже на какое-то время взяли под стражу. А вот покалеченных рабочих «выхлопотанного» с таким риском пособия уже не лишили, так что в результате пострадал лишь мой дед. Он и до этого имел больное сердце, а тут вся эта история и вовсе добила его: год спустя, в 1910 году, его нашли на улице умершим от разрыва сердца.

Бабушка – Крюкова Лидия Яковлевна – человек во всех отношениях незаурядный. Она была немкой по национальности, но глубоко русской по воспитанию, духу и образу мышления. Да и сама бабушка всегда с неизменной гордостью подчеркивала, что является русской, любила русскую культуру, с почитанием и даже каким-то благоговением относилась к истории нашего народа. Ее родители были поволжскими немцами, предки которых приехали в Россию еще во времена Екатерины II, да так и осели в Царицыне. Со временем они вконец обрусели, и

их потомки также навеки остались жить в России, преимущественно в этих же самых местах. Трудовую жизнь бабушка начала рано, с 16 лет. Была рабочей, мыла цистерны из-под нефтепродуктов. Труд тяжелый и крайне вредный, но за него неплохо платили. Надолго здоровья, однако, не хватило, так что пришлось оставить прежнее место и подрабатывать в других местах – то сторожем, то шитьем в мастерской. Так же как и ее муж, Лидия Яковлевна сама выучилась грамоте и очень любила читать.

Выйдя в 1870 году замуж за моего деда, бабушка рассталась не только со своей девичьей фамилией Шрайнер, но и вообще со всем немецким. Национальные черты характера, такие как бережливость, аккуратность и пунктуальность, проявлялись у нее, пожалуй, лишь в быту, во всем же остальном, в том числе и в облике, была она типично русской женщиной. Хотя и знала бабушка немецкий язык, но при мне старалась никогда им не пользоваться, даже в тех случаях, когда ее навещали жившие по соседству подруги-немки.

Я же очень хотел выучить немецкий и не раз просил ее помочь мне в этом, но она всегда отказывалась, неизменно приговаривая: «Не нужно, не потребуется тебе это». До сих пор не понимаю, почему она столь упорно противилась моим просьбам, никаких объяснений на этот счет добиться мне так и не удалось. Вполне возможно, что бабушка хотела уберечь меня от каких-то неприятностей, тем более что шли 1930-е годы и волна репрессий уже направо и налево косила и русских, и немцев, причем последних и вовсе без разбора. Хотя и не повезло мне с немецким, я все же многому научился от бабушки. Вообще нас с ней связывали очень теплые отношения – меня она выделяла из всех своих внуков, с детства почему-то прочила большое будущее...

Бабушка была глубоко верующим человеком, и я частенько заставлял ее склонившейся над старинной Библией, напечатанной готическим шрифтом. Читала она вслух, но так тихо, что слов разобрать было невозможно. С этой Библией в соответствии с ее завещанием бабушку и похоронили. Умерла она в 1938 году, намного пережив своего супруга. Это была первая смерть на моих глазах очень дорогого мне человека...

Национальность моей бабушки никак не сказалась на «русскости» всего нашего рода, может быть, именно потому, что она сама так не хотела этого. Во время Великой Отечественной войны мои родственники-немцы разделили тяжелую судьбу русских людей, многие жестоко пострадали от фашистских оккупантов, а некоторые поплатились своими жизнями. Муж моей тетки – дочери Лидии Яковлевны – также был немцем, а их сын Иван Шульц, летчик-истребитель, погиб в первые дни Великой Отечественной войны в Латвии – был сбит в неравном бою. Тетка же вместе со своим мужем была насильно угнана в Германию. Там они подвергались крайне жестокому обращению, издевательствам и лишь каким-то чудом остались живы. Пожалуй, именно от них я слышал самые негативные отзывы о немецких оккупантах.

После смерти бабушки мой отец остался в большой семье за старшего. К этому времени он уже был начальником цеха на сталинградском заводе «Баррикады», на котором работал, кстати, с девяти лет. Начинал с того, что помогал котельщикам, подносил материалы и инструмент, просто бегал в магазин за продуктами для рабочих. Но уже в одиннадцать лет отец выполнял хотя и несложные, но самостоятельные работы, а с пятнадцатилетнего возраста и вовсе трудился наравне со взрослыми, правда получая за это гораздо меньшую плату.

Всю жизнь отец отдал родному заводу, занимаясь, хотя и в разных должностях, все тем же котельным делом. Иногда он вместе с другими товарищами артелью ненадолго выезжал на заработки, чтобы прокормить семью, но это было тогда обычным явлением, одной зарплатой никогда не хватало. Такие поездки позволяли не только подзаработать, но и повидать страну, что сделать в ту пору иным способом было невозможно.

Я до сих пор помню рассказы отца об этих «путешествиях». Он говорил не только о том, что видел на Кавказе, Украине или в Средней Азии, но и о людях, с которыми доводилось там

встречаться. Именно отец с детства привил мне чувство уважения к людям другой национальности, которое я сохранил на всю жизнь. Я и сейчас часто задумываюсь над тем, что сказал бы отец и вообще люди его поколения, если бы им выпала доля увидеть, во что сейчас превратили нашу многонациональную Родину, в которой одной семьей жили все населявшие ее народы.

В годы Гражданской войны отец воевал за советскую власть, прошел через суровые испытания. Однажды был схвачен белыми и чудом избежал расстрела, осуществив вместе с группой красноармейцев дерзкий ночной побег накануне казни. Всю жизнь отец прошагал в ногу с советской властью. В 1924 году после смерти В.И. Ленина вступил по ленинскому набору в партию. Помнится, отец положительно отзывался о нэпе, считал такой ленинский шаг очень мудрым решением, реально облегчившим жизнь народа. Правда, говорил он, невесть откуда вдруг появилось немало утопающих в роскоши богачей, но им советская власть особенно разгуляться не давала, а самое главное, не позволяла наживаться за счет эксплуатации простого люда.

Экономика обескровленной в ходе Гражданской войны страны получила столь необходимую ей подпитку, заметно улучшилось положение дел с промышленными товарами, вздохнула свободнее деревня, что не замедлило сказаться и на продовольственном рынке.

После введения нэпа жизнь начала постепенно меняться к лучшему, появился достаток и в нашей семье. Отец теперь все реже выезжал на заработки, да и на заводе дела у него пошли в гору. Вскоре он уже стал мастером, а в начале 30-х получил назначение на должность начальника котельного цеха завода «Баррикады».

В 1928 году рядом с лачугой бабушки родители построили небольшой деревянный дом. В нем мы прожили до сентября 1942 года, но в войну дом не уцелел – сгорел во время очередной фашистской бомбежки.

30-е годы запомнились мне, тогда еще ребенку, тем, что отец очень много работал, домой приходил поздно, а утром, чуть свет, опять отправлялся на завод. Отдыхал лишь по воскресным дням, да и то не каждую неделю. Но жалоб от отца ни я, ни мать никогда не слышали. В редкие праздники в доме собирались друзья отца. Разговор всегда шел о заводе, о стране, все чаще и чаще затрагивалась тема войны – о ней говорили как о чем-то неизбежном. Никто не сомневался в том, что война будет, как, впрочем, никто не сомневался и в победе.

На нашей небольшой улице жили несколько парней призывного возраста. Настал черед проводить своих сыновей в армию и моим родителям – один из них стал летчиком-истребителем, другой – моряком. Три моих двоюродных брата уже служили: один в авиации, другой был танкистом, третий – пехотинцем. Служба сыновей в армии была предметом особой гордости родителей, хотя, помню, мать часто плакала по ночам – видимо, предчувствовало материнское сердце скорую гибель сыновей в предстоящей войне.

В 1937 году пошли аресты, не обошли они стороной и нашу улицу. Внезапно исчезал кто-то из соседей, а спустя некоторое время доходил слух о том, что он оказался «врагом народа». Помню, только двоим из них удалось вернуться, по сути дела, с того света. Один был уже совсем больным и вскоре умер (лишь много лет спустя я узнал, что на самом деле он покончил жизнь самоубийством).

Конечно, никто вслух не ставил тогда под сомнение действия властей и тем более не связывал происходящее с именем Сталина – об этом не могло быть и речи. Вместе с тем недавние друзья не спешили клеймить позором своего попавшего в беду соседа, не пытались отмежеваться от него, скорее аресты вызвали чувство сострадания и недоумение.

Однажды мутная волна репрессий чуть-чуть не накрыла и нашу семью. Отец как-то пришел с работы неожиданно рано, еще до обеда. Я подумал сначала, что он заболел. Причина, однако, была совсем в другом. Когда утром отец, как обычно, явился на работу, его вдруг не пропустили на завод, задержав на проходной. Под предлогом того, что нужно кое в чем разо-

браться, сначала попросили немного подождать, а потом, спустя часа два, объявили, что он свободен, и отпустили домой. Когда можно будет выйти на работу, пообещали сообщить позже.

В тот же день стало известно об аресте директора и некоторых других руководителей завода «Баррикады»... В доме воцарилось предчувствие страшной беды. К счастью, для нашей семьи тогда все обошлось благополучно. Через пару дней отца вызвали на завод, и он вновь стал работать в своей прежней должности начальника цеха. Кто-то потом рассказал отцу, что его спасла безупречная биография и служба сыновей в армии. Отец тогда произнес слова, которые я запомнил на всю жизнь: «А разве от биографии зависит, виновен человек или нет?»

Несмотря на репрессии, в стране невиданными темпами осуществлялось социалистическое строительство, масштабы которого до сих пор поражают воображение. Происходило это в основном за счет самоотверженности советских людей, их напряженного, изнурительного труда. Да, пожалуй, другого выхода тогда и не было. Помощи ждать было неоткуда, поэтому полагаться приходилось только на собственные силы. Выручала не только природная выносливость русского человека, его неприхотливость, способность к самопожертвованию, но и глубокая вера в торжество коммунистической идеи, ожидание светлого будущего, которое, казалось, уже не за горами.

Огромные перемены происходили в социальной области, шла настоящая культурная революция. В кратчайшие сроки удалось повсеместно ликвидировать неграмотность – учились все – и стар и млад. Для пожилых организовывались вечерние школы, курсы, кружки в клубах, а то и прямо на квартирах. Работали передвижные библиотеки.

На нашей улице учебой не были охвачены всего две или три пожилые женщины да один старик, которому в ту пору уже перевалило за девяносто. Не было ни одного ребенка старше семи лет, который не ходил бы в школу. Каждая семья выписывала хоть одну газету или журнал, да еще обменивалась прочитанным с соседями.

В районе, где мы жили, еще в 1934 году провели электричество, а вскоре в домах заработали и радиоточки. В середине 30-х годов у нас появились первые выпускники отечественных вузов – собственные инженеры, врачи, преподаватели, агрономы и даже один геолог. До неузнаваемости изменился облик обитателя сталинградских окраин и большинства остальных жителей города.

Слыханное ли дело, что еще вчера забитый и в массе своей неграмотный заводской люд потянулся к искусству – люди стали ходить в театры, кино, на концерты, посещать выставки и музеи, участвовать в художественной самодеятельности.

Эти несомненные успехи омрачались, однако, предчувствием страшной беды, нависшей над нашей Родиной, – с каждым днем становилась все ощутимее угроза войны. Это спланивало людей, дисциплинировало, повышало их ответственность. Войну не просто ждали, к ней серьезно готовились.

И все-таки застала она нас врасплох. Тот, кто пережил 1941 год, никогда не забудет, как он узнал о начале войны, при каких обстоятельствах услышал первое сообщение о нападении Германии на Советский Союз и начале Великой Отечественной войны.

В жаркий воскресный день 22 июня сбылась моя давняя мечта: родители собрались на базар покупать мне велосипед. Долго выбирали, приценились и, наконец, нашли подходящий вариант – осталось только оплатить покупку.

Именно в этот момент и заработал репродуктор, висевший на фонарном столбе. Сначала объявили о том, что сейчас будет передаваться важное сообщение. Все как-то сразу притихли. И вот раздался голос Вячеслава Михайловича Молотова – Германия совершила вероломное нападение на Советский Союз, первые бомбежки советских городов, бои на границе. В заклю-

чение Молотов произнес слова, которые облетели потом весь мир: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

О покупке велосипеда, конечно, больше не было и речи. Люди на базаре торопливо завершали свои дела и расходились. Заспешили домой и мы. Возвращались молча, погруженные в свои мысли. Дома нас встретили со слезами на глазах. Хотя о войне давно уже говорили как о чем-то неизбежном, в душе все еще продолжали на что-то надеяться, думали: а вдруг пронесет?

Когда весть о войне облетела город, все поспешили к своим семьям, а вечером, наоборот, людям захотелось собраться вместе – буквально весь город высыпал на улицы. Растерянности и тем более паники заметно не было. Лица были суровы, но спокойны, многие решили немедленно идти на фронт. Все считали, что война не продлится долго, и уж тем более были уверены в том, что на свою территорию врага мы ни за что не пустим. Мы ведь воспитывались тогда в духе непобедимости.

А по радио тем временем объявляли один указ за другим. Ждали сводок, и они скоро действительно пошли – одна тяжелее другой. Но и тогда еще надеялись, что дела на фронте вот-вот поправятся. Никто не предполагал, что придется воевать целых четыре года, что война докатится до Сталинграда и полностью разрушит его, что она обернется для страны такими огромными жертвами...

В начале июля 1941 года наша семья первой на улице получила похоронку – извещение о гибели моего брата Константина. Нам сообщили, что он был смертельно ранен и похоронен 25 июня 1941 года в Латвии в районе города Даугавпилса. Брат был участником финской войны, там он тоже воевал летчиком-истребителем и был удостоен высокой награды – ордена Красной Звезды. Он был любимцем всей семьи, человеком редкой души, общительным, музыкально одаренным, заботливым и нежным сыном, мужем, отцом, братом и внуком. И вот Кости не стало...

Ну а потом похоронки стали приходиться на нашу улицу все чаще и чаще. Почтальон шел тяжелой походкой, сторбившись, на его лице, казалось, навсегда застыла печать глубокой скорби. Говорил нехитрые слова утешения, а сам при этом украдкой смахивал слезы.

В конце июня 1941 года вместе с одноклассниками я написал заявление с просьбой отправить меня на фронт. У здания военкомата собралось, казалось, полгорода. Некоторые пришли по повесткам, но основную массу составляли добровольцы. Выстояв длинную очередь, мы наконец пробились в кабинет военкома. Едва взглянув на наши документы, он вернул их обратно – возрастом не вышли. Даже справка об окончании курсов Осоавиахима и права на управление мотоциклом, на которые я так рассчитывал, не возымели действия. Все наши уговоры военком оборвал словами: «Идите и не мешайте работать!» Выйдя за дверь, мы тут же приняли решение помогать фронту другим, единственно возможным тогда для нас способом – работой на оборонных заводах.

Я оставил школу и пошел разметчиком на завод «Баррикады», туда, где трудился мой отец. Было мне тогда 17 лет.

Прежде на «Баррикадах» я бывал только во время школьных экскурсий. Спустя два месяца сдал экзамен и получил четвертый разряд по механической разметке. Работал по 12 часов в сутки при одном выходном в неделю, который давали, когда позволяла обстановка.

Часто вспоминаю это время, мой первый рабочий коллектив, чистые, бесхитростные отношения между людьми. Рабочие всегда что думали, то и говорили, горой стояли друг за друга. Мастер Николай Михайлович досконально знал всю свою бригаду, не только требовал план, но и проявлял искреннюю заботу о людях. Подойдет, бывало, ночью и скажет: «Вижу, устал, иди поспи часок!» Да еще при этом даст «концы» – промасленные тряпки – подложить под голову. Сам же потом и разбудит.

На своем веку мне приходилось работать в разных коллективах, но самые яркие и сильные впечатления у меня остались именно от рабочей среды.

...Пролетел первый военный год. Враг вплотную подошел к городу. Воздушные тревоги объявлялись по нескольку раз на день, но бомбежек пока не было. И вот 23 августа 1942 года около пяти часов вечера в район тракторного завода прорвалось первое танковое подразделение немцев, а два часа спустя начался массированный налет немецкой авиации.

У меня в тот день был выходной, и я находился как раз в центре города, когда раздались первые разрывы бомб. Это был кромешный ад! Вокруг рушились здания, после прямого попадания они разом оседали на землю, поднимая высоко к небу клубы дыма и плотной пыли. Люди же почему-то искали защиты от бомб и осколков именно вблизи строений, сотнями погибая под их обломками. Вокруг раздавались крики, стоны, начались пожары, а самолеты волнами все шли и шли на город.

Перед бомбометанием летчики делали большой разворот и, пикируя, заходили с востока, из-за Волги, уклоняясь таким способом от огня наших зениток, расположенных в западной части города. Вечером от разлившейся нефти, горевших пароходов и барж запылала Волга. Зрелище горящей реки производило впечатление какого-то кошмара!

Ночью немцы бомбили уже не так сильно, но с утра налеты возобновились с прежней интенсивностью. Мне каким-то чудом удалось живым выбраться из центра города. Один раз близким разрывом меня бросило на землю и привалило сверху деревом. Домой я смог попасть лишь глубокой ночью, а к утру, несмотря на сильную боль в ушибленной спине, побежал на завод.

На «Баррикадах» тушили многочисленные пожары, спасали уцелевшее оборудование и наиболее ценное сырье. Стало ясно, что нормальная работа предприятия в условиях непрекращающихся бомбежек и обстрелов уже невозможна. Поэтому было принято решение вывезти все, что только можно, на другой берег Волги.

Задача была очень непростой, работать приходилось день и ночь. Помню, как-то раз мы переправили очередную партию цветных металлов и, вместо того чтобы этим же пароходом, как обычно, сразу вернуться назад, вынуждены были задержаться на том берегу до прихода куда-то запропастившихся машин. Не бросишь же груз просто так на берегу. Капитан парохода торопился назад и ждать нас не стал, пообещав забрать вторым рейсом. Когда его небольшое суденышко было уже на середине реки, налетели немецкие самолеты. На наших глазах пароход был потоплен, никто из находившихся на его борту не спасся...

В ноябре началась эвакуация баррикадцев в Горький на завод № 92 имени И.В. Сталина. Но уже в апреле 1943 года, сразу же после открытия навигации, первыми пароходами мы вернулись всем коллективом в Сталинград, на свой родной завод. Весь город был в руинах, сильно пострадали и «Баррикады».

В то время на заводе работало всего 76 человек, но задания давались большие, сроки устанавливались самые сжатые. На фронт никого не отпускали, специалистов и так не хватало. А вот работать на завод брали всех, кто мог держать в руках инструмент. Восстанавливали завод на ходу, ни на минуту не прекращая производственного процесса.

Вскоре пошла наша первая военная продукция – орудия, прицепы для перевозки снарядов, отремонтированная армейская техника. Завод быстро набирал темпы, вновь превращался в крупное оборонное предприятие, каким и остался впоследствии – вплоть до недавнего времени.

В 1943 году летом меня пригласили в Баррикадный районный комитет партии на беседу к первому секретарю Романенко. Познакомились, поговорили о заводских делах, а потом без всякого перехода он неожиданно делает мне предложение: «А не попробовать ли вам себя на комсомольской работе?» Я даже не сразу взял в толк, о чем идет речь. Мне пояснили, что в наш район для работы на заводе и стройках прибыло несколько тысяч юношей и девушек, им

надо помочь наладить быт, насколько это возможно в условиях разрушенного города, поскорее втянуться в трудовой процесс и создать комсомольскую организацию. Возглавить этот участок должен комсорг ЦК ВЛКСМ. В этой связи и возникла моя кандидатура.

На следующий день меня вызвали на заседание бюро райкома ВКП(б), где было принято решение о направлении меня на работу комсоргом ЦК ВЛКСМ Особой строительно-монтажной части № 25 Министерства СССР по строительству. Через месяц на общем собрании комсомольской организации я был избран секретарем заводского комитета комсомола. А в июле следующего, 1944 года меня избрали первым секретарем Баррикадного райкома ВЛКСМ.

В этом же году происходит еще одно очень важное в моей жизни событие – я вступаю в Коммунистическую партию, становлюсь на всю оставшуюся жизнь коммунистом!

И вот наконец долгожданная победа! Трудно описать те чувства – действительно это была радость со слезами на глазах, ведь не было ни одной семьи, которую миновало бы горе утраты близких. Но жизнь брала свое – выплакали последние слезы безутешные матери, вернулись те, что остались в живых, и вся страна ринулась на очередной подвиг, теперь уже трудовой – восстанавливать разрушенное народное хозяйство. До сих пор не перестаю удивляться, как удалось справиться с этой поистине грандиозной задачей в такие рекордные сроки!

Отгремела война, и теперь уже можно было всерьез заняться дальнейшей учебой, мысль об этом никогда не покидала меня. Еще в 1944 году в Сталинграде были открыты вечерние школы рабочей молодежи. Я начал учиться в 10-м классе (9-й класс окончил в 1941 году) и в следующем году получил аттестат зрелости. В том же 1945 году я поступил в Саратовский юридический институт, но на очном отделении довелось проучиться лишь год. Отец ушел на пенсию, у матери ухудшилось здоровье, в большой нужде жила сестра с пятью детьми, старшему из которых было 9 лет. Нужно было им помогать, и в 1946 году я перевелся на заочное отделение. Летом того же года меня избрали вторым секретарем Сталинградского горкома комсомола. Однако трудиться на комсомольском поприще мне довелось недолго: я принял решение перейти на работу в органы прокуратуры, с тем чтобы совмещать заочную учебу в институте с приобретением практических навыков, необходимых для будущей специальности.

В органах прокуратуры в общей сложности я проработал около пяти лет: был следователем, прокурором следственного отдела областной прокуратуры, прокурором района.

В те годы борьбе с преступностью придавалось очень большое значение. Эффективно действовали сами правоохранительные органы, но главное было в другом – у нарушителей закона не было никакой социальной базы, с ними боролась не только милиция, но и широкие слои общественности, весь народ. Даже после массовой послевоенной демобилизации, амнистии, в условиях, когда места недавних боев были завалены горами неубранного оружия, неизбежный всплеск преступности, особенно тяжкой, – такой как убийства, бандитизм, грабежи, – был очень незначительным, с ней удалось быстро справиться. Да, принимались самые жесткие меры, но они были обоснованными и получали полную поддержку у населения. Любое тяжкое преступление в районе являлось предметом особого разбирательства на всех уровнях, за ходом расследования осуществлялся неустанный контроль. Раскрываемость поэтому была почти сто-процентной, в подавляющем числе случаев виновным не удавалось уйти от наказания. Что же касается хозяйственных правонарушений, то они вообще носили единичный характер, а суммы причиненного ущерба при этом были незначительны.

Допускаю, что такая по нынешним временам прямо-таки идиллическая картина некоторым может показаться неправдоподобной, но ведь и нам в свое время даже в голову не могло прийти, что возможны такие масштабы преступности, какие мы имеем сегодня.

В 1946 году, когда я уже работал в прокуратуре, вышел на пенсию отец. Здоровье у него к тому времени было порядком подорвано. Еще в 1928 году в результате производственной

травмы он лишился глаза. В конце жизни ему было уже трудно разбирать буквы и он просил меня или мать читать ему вслух.

Отец всегда живо интересовался событиями, имел на многие вещи собственную точку зрения. Так, например, он считал, что у нас в стране напрасно полностью зажимается частная собственность, не поощряется рост личного благосостояния, часто повторял, что народ и так уже много сделал ради высоких идеалов, теперь в жизнь должна постепенно входить материальная заинтересованность. Воспитание трудом отец считал неперенным условием здорового развития человека и общества. Он и на пенсии не переставал много работать в нашем нехитром подсобном хозяйстве, причем делал это с явным удовольствием.

Умер отец 5 июля 1951 года, проститься с ним пришлось на удивление много народу. Друзья по работе поставили скромный обелиск из нержавеющей стали, обнесли его нехитрой оградкой. За могилой до сих пор ухаживают две мои племянницы – дочери сестры, – которые так и живут в родном городе.

Совсем по-другому сложилась бы и моя судьба, останься и я навсегда в Сталинграде.

В 1951 году произошел, однако, резкий поворот в моей жизни. К тому времени мне уже удалось окончить (в 1949 году) юридический институт, я был прокурором Кировского района Сталинграда и ни о какой другой работе даже не помышлял.

Но вот в начале лета 1951 года Сталинградский обком партии впервые получил разнарядку направить двух кандидатов для учебы в Высшей дипломатической школе МИД СССР. Никто из местных руководителей не имел ни малейшего представления о том, какими качествами должны обладать эти избранные. Кандидатов поначалу было много, но в итоге решили остановить свой выбор на двух, имевших высшее юридическое образование, одним из этих двоих был я.

В июле 1951 года мы выехали в Москву для прохождения мандатной комиссии и сдачи экзаменов.

Так я впервые в жизни попал в столицу. Сколько же было волнений, ярких впечатлений и открытий! Ансамбль Московского Кремля, бесчисленные музеи, театры, огромные здания и, как мне тогда показалось, широченные улицы, буквально запруженные автомобилями, забитые товарами магазины – все это произвело на меня, провинциала, просто ошеломляющее впечатление!

Никогда не забуду, как в первый раз оказался возле Большого театра, спустился в московское метро. Поразила и необыкновенная чистота московских улиц – по ночам по городу до самого утра ездили машины, подметая и поливая и без того стерильные мостовые. Эти мои первые впечатления от Москвы глубоко врезались в память.

Первые дни в столице были посвящены собеседованиям, заслушиванию на различных комиссиях и сдаче экзаменов. Проходило все это в старом здании МИД на Кузнецком Мосту, в доме по соседству с выразительным памятником Воровскому и... с будущим новым зданием КГБ СССР, в котором находился мой последний служебный кабинет.

Помнится, возглавлял приемную комиссию известный советский дипломат А.В. Богомолов, бывший тогда заместителем министра иностранных дел СССР. Я волновался, конечно, – непривычная обстановка способствовала этому. Но все обошлось благополучно. Поначалу, когда со стороны Богомолова посыпались многочисленные вопросы, я грешным делом подумал, что меня хотят «завалить». Но председатель комиссии, видимо уловив мои мысли, сказал, что ему нравятся мои ответы и он просто хочет познакомиться со мной поближе.

На следующий день были собеседования с остальными членами комиссии, потом начались экзамены по предметам. В результате и этот этап был успешно преодолен. А вот моему земляку из Сталинграда повезло меньше, он, к сожалению, не прошел.

После сдачи экзаменов меня, как это было тогда принято, пригласили на Старую площадь для беседы в ЦК ВКП(б). Напоследок задали вопрос и о том, почему я согласился отправиться на учебу в дипшколу. Было заметно, что этой теме придается особое значение.

Чувствовалось, что мои ответы произвели хорошее впечатление. Однако, опять-таки в духе того времени, ничего определенного мне не сказали, посоветовали лишь возвращаться в Сталинград, куда, мол, мне и сообщат о принятом решении. В полном неведении относительно своей будущей судьбы я пребывал вплоть до конца августа, когда наконец пришло долгожданное извещение о моем зачислении в ВДШ.

Это было радостным событием не только для меня, моих родных и многочисленных друзей, но и для сослуживцев, знакомых и просто соседей. Ведь я был первым сталинградцем, который отправлялся на учебу в Высшую дипломатическую школу МИД СССР! Но уже тогда я глубоко задумался над тем, что ждет меня впереди, как сложится дальнейшая судьба, как эта резкая перемена в жизни отразится на семье... Конечно, тогда мне и в голову не могло прийти, что когда-нибудь эта новая стезя приведет меня на московскую улочку с таким грустным и поэтическим названием Матросская Тишина!

В последний день августа 1951 года я прибыл в Москву и поселился в общежитии ВДШ, находившемся недалеко от Павелецкого вокзала, в Стремянном переулке, дом 29, которое, по моему, существует по сей день. У меня была небольшая, рассчитанная на двух человек комната площадью около 6 квадратных метров (умывальник, туалет и кухня были общими), в которой я и прожил все три года учебы, – по тем временам условия вполне приличные. Заниматься приходилось много: осваивал два языка – венгерский и немецкий, штудировал новые для меня науки. Ежедневно, кроме воскресенья, вставал в шесть часов утра, а завершал свой рабочий день в час-два ночи. И так от каникул до каникул. Помогали молодость и огромное желание учиться!

Впервые в жизни у меня была возможность заниматься только учебой. Здание дипшколы находилось в тихом переулке недалеко от Красных Ворот – в Большом Козловском, в доме № 4. Помещения были небольшими, поэтому использовался буквально каждый квадратный метр, в том числе и подвал, где располагался уютный буфет. Больше всего меня поразила своим богатством библиотека дипшколы, с самого первого дня учебы я буквально не вылезал из нее.

Первое занятие в ВДШ было у меня по венгерскому языку. В группе насчитывалось трое слушателей. Преподаватель начал с рассказа о трудностях венгерского языка, в котором 28 падежей, нет рода, непривычное для русских построение предложений, сложное произношение и так далее в том же духе. Он явно хотел настроить нас на напряженный труд, но эффект получился прямо противоположный – на втором занятии группа состояла уже из двух человек, а вскоре я и вовсе остался в одиночестве. Оба моих товарища сочли, что освоить венгерский им не под силу, и обратились к руководству школы с просьбой о замене им языка. Специалисты требовались не только по Венгрии, поэтому их просьбу легко удовлетворили. Так и получилось, что из всего нашего потока все три года венгерскому языку обучали меня одного.

Кстати, наш преподаватель понял, что допустил оплошность, и, видимо испугавшись перспективы потерять последнего ученика, резко сменил тактику – теперь он внушал мне, что не такой уж и сложный этот венгерский, да и вообще не так страшен черт, как его малюют! Меня, помню, порядком забавляли его постоянные сентенции о том, что этот пресловутый язык учу не я первый, мои предшественники с этой задачей тоже неплохо справлялись, да и надбавку к зарплате за знание венгерского языка платят повышенную... Мне пришлось даже успокаивать беднягу, заверять, что не собираюсь отступать.

В конечном счете все вошло в норму, а я стал, как шутили мои однокашники, «самым дорогим» с точки зрения материальных затрат слушателем – ведь у меня была отдельная языковая группа с «персональным» преподавателем. После бегства моих товарищей долго потом

еще на меня показывали пальцем и говорили: «Вон идет тот самый чудака, который учит венгерский».

Ну а язык тем не менее у меня пошел. Довольно быстро разобрался с грамматикой, понял ее внутреннюю логику и налег вовсю на словарный запас. Разработал удобную для себя методику и стал постоянно увеличивать количество выученных за день слов. Через какой-то короткий промежуток времени этот ежедневный рацион перевалил за сотню слов, что удивляло даже опытных педагогов. Но секрет был прост – я всюду носил с собой специальные карточки, на которые выписывал заучиваемые слова, и при малейшей возможности – в метро ли, в перерывах между занятиями – доставал их из кармана и начинал вновь просматривать, тасуя как попало. Если к вечеру выявлялось хотя бы одно забытое слово, то за этим следовало наказание – переписывание заново всей сотни слов и словосочетаний, составлявших мою ежедневную норму.

Буквально через несколько дней после начала занятий параллельно с венгерским пришлось заняться еще и немецким языком. На этот раз в группе был полный комплект – три человека. Одной из преподавательниц у нас была Софья Борисовна Либкнехт, жена Карла Либкнехта. Ей было уже за семьдесят. От возраста и пережитого она с трудом передвигалась, но сохраняла поразительную живость ума. Человеком она была в высшей степени образованным, от природы одаренным, интеллигентным и очень тактичным. Немецкая пунктуальность чувствовалась во всем – семидесятилетняя, не очень здоровая женщина ни разу не опоздала на занятия!

В 1953 году осенью она побывала в ГДР, посетила Западный Берлин, постояла на месте гибели мужа. Делясь своими впечатлениями от увиденного, Софья Борисовна часто повторяла, что немцы в ГДР живут лучше, чем советские люди, но явно проигрывают в жизненном уровне своим западным собратьям. «Если в ГДР, – говорила она, – снабжение хорошее, то в Западной Германии блестящее: рано или поздно такая ситуация приведет к возникновению большой и крайне опасной «немецкой проблемы». Помню, что нас удивляла ее обеспокоенность, ведь мы воспитывались в другом духе, когда соображения материального порядка вообще не играли заметной роли.

Надо сказать, я охотно занимался немецким. Этот язык напоминал мне о Сталинграде. О своей бабушке по отцу я уже рассказывал. Кроме того, на нашей улице, в соседнем дворе, жила в землянке одна немецкая семья. Глава этого семейства работал на заводе «Баррикады» и был, как рассказывал мой отец, уважаемым специалистом и очень хорошим работником. Я подружился с его старшим сыном, девятилетним мальчиком, моим сверстником. Мы часто ходили друг к другу в гости, постоянно держались вместе на улице – даже в играх всегда норовили оказаться в одной команде. Русский язык мой немецкий друг еще не очень освоил. Я, как мог, помогал ему, а он в ответ учил меня немецким словам. Вот тогда и зародилось желание выучить немецкий язык, я даже дал себе слово непременно сделать это. Наша детская дружба продлилась почти семь лет. Потом началась война, а через несколько дней немецких семей в соседних дворах уже не оказалось: всех немцев выслали. С тех пор я потерял след моего друга, но память о нем, о совместных детских годах и нашей дружбе сохранилась навсегда.

Трехлетняя учеба в ВДШ в 1951–1954 годах дала мне невероятно много. Впервые появилась возможность серьезно заняться языками да плюс к тому десятками других предметов, как специальных, так и общеобразовательных. Я изучал советскую и зарубежную литературу, получил широкий доступ к документальным источникам, общался в буквальном смысле с элитой профессорско-преподавательского состава. Все это создавало отличные условия для приобретения знаний и освоения азов будущей профессии. Надо особо указать на одну важнейшую примету того времени – на качественный сдвиг, происшедший в учебном процессе после смерти Сталина.

На траурном митинге, состоявшемся в ВДШ, выступавшие не могли скрыть слез, причем восхваляли Сталина даже сильнее, чем при его жизни. При этом каждый задавался вопросом: как жить дальше, что ждет всех нас впереди? Первые недели шли пока в прежнем русле, однако чувствовалось, что накопившееся за годы внутреннее напряжение вот-вот вырвется наружу. Тем не менее все еще по инерции продолжали бояться открыто говорить про то, о чем думали, хотя страх постепенно начал уходить. Решительный же перелом в сознании людей произошел лишь с арестом Берии. Именно тогда начался отсчет нового времени, характерной чертой которого явилась переоценка ценностей, которыми общество жило до той поры. Не случайно тогдашний президент США Эйзенхауэр заметил: «Со смертью Сталина в Советском Союзе окончилась одна эпоха и началась другая». К сожалению, переходный процесс, который неизбежно сопровождает смену эпох, у нас явно затянулся. Порой мне кажется, что он продолжается и по сей день.

1954 год, июнь. Позади ВДШ, красный диплом, распределение на работу в МИД, на венгерское направление. Отшумел торжественный выпускной вечер, впереди долгожданная дипломатическая работа, а пока что месячный отпуск, который получили выпускники.

Мы с женой решили использовать эту возможность для того, чтобы получше отдохнуть в преддверии работы на новом поприще.

Поскольку нам рассказали, что новоиспеченным дипломатам положена форма, мы с женой решили, что мне незачем иметь два пальто – хватит и одного, «форменного». Поэтому прежнее мое добротное «гражданское» пальто мы продали, получив таким образом дополнительные «отпускные». А 1 августа, когда я вышел на работу в МИД СССР, нам объявили, что форму для дипломатов отменили... Так и пришлось потом еще целый год донашивать совсем старое пальто, которое, по счастью, сохранилось от прежних лет.

Так вот и жили, порой с трудом дотягивая «от зарплаты до зарплаты», хотя оптимизма и веры в лучшее будущее было не занимать. Историю со злополучной формой и так неосмотрительно, по-цыгански проданным пальто вспоминали со смехом, без какого-либо сожаления.

В венгерской референтуре, куда я был распределен, работало восемь человек. Сидели все в небольшой комнате на 17-м этаже высотного здания на Смоленской площади, куда к тому времени переехало Министерство иностранных дел. У каждого свой небольшой канцелярский стол, чуть больших размеров – у заведующего референтурой. Здесь знакомились с почтой, готовили документы, обсуждали общие дела, спорили, изредка принимали посетителей из других ведомств.

К концу дня в голове шумело от разговоров, телефонных звонков и табачного дыма. Но в этой тесноте были и несомненные плюсы – мы не только были в курсе всего происходящего на венгерском участке, но и очень хорошо знали друг друга.

Мнение, которое я составил тогда о своих товарищах, неоднократно подтверждалось затем даже спустя десятки лет. А окружавшие меня люди, конечно, были самыми разными – и характерами, и поведением, и манерой работать, да и в целом отношением к жизни.

В памяти отложилось выступление министра иностранных дел В.М. Молотова перед партийным активом в апреле 1955 года. Обсуждался вопрос о работе и задачах нашего ведомства. Слово взял А.А. Громыко, бывший в ту пору первым заместителем министра. В своем выступлении он подверг острой критике стиль работы Молотова, говорил о необходимости выработки нового подхода во внешней политике, причем делал это в довольно резких выражениях.

Зал реагировал сдержанно, очень уж непривычными были в ту пору подобные заявления. Заключительное слово Молотова длилось более часа. Начал он традиционно с анализа обстановки в стране, потом перешел к делам международным, подчеркнул важность всемерного укрепления социалистического лагеря перед лицом возрастающей угрозы со стороны мирового империализма, в заключение остановился на задачах коллектива. На критические заме-

чания Громыко в свой адрес Молотов при этом вообще не отреагировал, хотя было видно, что они его больно заделали.

Поначалу Молотов сильно нервничал, даже заикался. Впрочем, он быстро взял себя в руки и, как всегда, начал уверенно выдавать формулы, делать привычные оценки. В общем-то это было заурядное выступление, но зал слушал затаив дыхание, так как всем было ясно, что сейчас решается, кому быть министром: по-прежнему Молотову или Громыко.

Хотелось, конечно, большей определенности и конкретности, людям надоели одни лишь лозунги, общие призывы к удвоению усилий в борьбе за светлое будущее народов и т. п. Расхожие пропагандистские фразы никак не настраивали на творческий подход в вопросах внешней политики. С другой стороны, приверженцы старых порядков с явной опаской относились к молодому, энергичному Громыко, не были готовы к ломке привычного уклада своей жизни. Поэтому речь Молотова звучала для многих гарантией стабильности, а свежие ветры сулили одни неожиданности, да и было пока непонятно, в каком направлении они дуют.

Несмотря на то что Молотов продолжал руководить МИДом, время брало свое, и обстановка в министерстве постепенно менялась. Медленно, но неумолимо наполнялась новым содержанием работа, менялся ее стиль, да и просто распорядок жизни сотрудников. Дипломаты вдруг стали «развязывать языки», начали глубже задумываться над недавней историей и происходящим сейчас, ставить все больше и больше вопросов. К сожалению, ответов было значительно меньше, чем этих вопросов...

Ветер перемен коснулся не только производственной сферы, но и личной жизни людей. При Сталине весь состав МИДа работал по крайне изнуряющему ночному графику. Рядовые сотрудники уходили со службы часа в два-три ночи, а наутро в девять ноль-ноль снова были уже на своих местах. Правда, днем на перерыв отводилось по два-три часа. У руководства же график был несколько иным – рабочий день начинался часа на два позже, а завершался чуть раньше, чем у остальных. Все шло от «отца»!

Годами, день за днем, кроме воскресений, люди жили в таком нечеловеческом ритме. В результате личная жизнь как таковая теряла свой естественный смысл. У сотрудников в принципе не должно было быть личных дел. Уйти с работы пораньше, например часов в десять вечера, можно было лишь с разрешения довольно высокого начальства, да и то только в случае веских причин. Мид овцы теперь с ужасом вспоминали эти порядки, хотя еще не так давно безропотно тянули лямку и другой жизни для себя просто не представляли. Человек привыкает ведь ко всему!

Получив наконец нормальный рабочий день, дипломаты смогли теперь выбирать в кино, театр, да и просто проводить время с семьей, выходить на прогулки, чего раньше они были практически лишены. Все это не замедлило сказаться на облике сотрудников – они менялись буквально на глазах, воспрянули, стали раскованнее, в глазах появился какой-то блеск.

В воздухе витало предчувствие дальнейших перемен. Пока только в личных беседах, так сказать, в кулуарах, но все же можно было услышать откровенные суждения, интересные мысли и идеи. На бесчисленных же собраниях – партийных и профсоюзных – или в ходе производственных совещаний, которые мало отличались от тех, которые мы знали по сталинским временам, такое, конечно, услышать было нельзя. Впрочем, и здесь иногда раздавались смелые речи, не получавшие, впрочем, ни поддержки, ни осуждения присутствующих. Во многом это объяснялось позицией руководства, где процесс пробуждения нового сознания явно отставал от настроений масс, а какого-то реального размежевания сил в верхних эшелонах пока так и не произошло.

К концу лета 1955 года я получил назначение на работу в нашем посольстве в Будапеште. В это же время состоялось мое знакомство с человеком, который сыграл, пожалуй, самую значительную роль в моей дальнейшей судьбе. Я имею в виду Ю.В. Андропова, бывшего тогда

послом СССР в Венгрии. Юрий Владимирович позвонил мне по телефону и сообщил, что вопрос о моем назначении решен и в октябре он ждет меня в Будапеште.

Итак, первая заграникомандировка. Для любого дипломата это важный этап не только с точки зрения карьеры, но и для всей его жизни. Именно в ходе первой командировки, на мой взгляд, происходит становление будущего дипломата, завершается, если хотите, первый цикл подготовки нового специалиста, начавшейся на учебной скамье и продолженной в период работы в центральном аппарате министерства.

Первая работа за границей сказывается и на формировании личности человека – люди, попав в новые для себя условия, в отрыве от дома, родных и друзей, очутившись в общем-то в небольшом коллективе, неизбежно раскрываются, полнее проявляя не только деловые, но и личные качества.

Впрочем, все это я осознал позже, а после назначения меня одолевали совсем другие мысли и чувства. Волновался оттого, что рассматривал работу в посольстве как своего рода серьезный экзамен на звание настоящего дипломата. Думал о родных, которых долго теперь не увижу, о своей семье, в очередной раз вынужденной резко сменить образ жизни и отправиться со мной в мир, для нас совершенно неведомый. Очень жалко было расставаться с новыми друзьями, ведь мы отчетливо сознавали, что расстаемся, скорее всего, надолго, так как бродячая и полная перипетий жизнь дипломатов может разметать нас по разным уголкам земного шара!

На перроне вокзала собрались близкие друзья. Позади недолгие и совсем необременительные сборы. Жена, преподаватель русского языка и литературы, с большим сожалением оставившая школу и своих учеников (многие из которых, кстати, пришли проводить свою учительницу), пятилетний сын, наш первенец, и радостно-тревожное ощущение прыжка в новую, как мы были уверены, интересную и полную романтики жизнь...

Таким мне запомнилось это осеннее утро на Киевском вокзале столицы. Паровоз издал протяжный гудок, медленно тронулся с места и, отчаянно пыхтя, покатил вперед, все дальше и дальше увозя нас от сравнительно спокойного и привычного прошлого...

За окном мелькали знакомые поля и леса, нечастые переезды и деревеньки, а в глазах у нас уже стояла Венгрия, и я питал самые радужные надежды, связанные с увлекательной и манящей дипломатической службой. Конечно, не мог я тогда предположить, что предстоящая командировка принесет с собой суровые испытания и станет первым шагом по трудной и каменистой дороге, которая приведет меня в заоблачные высоты большой политики, а затем и в тюремную камеру, где я украдкой, ночами и писал эти строки...

Жалею ли я о том, что встал на этот путь? Оглядываясь назад, на свою долгую жизнь, могу твердо сказать, что нет, не жалею, что, довелись начать все сначала, я и в следующий раз прошел бы его так же, не свернув в сторону.

Через сутки с небольшим поезд пересек границу, и мы оказались на территории Венгрии. За окном замелькали совсем другие пейзажи, так непохожие на те, что мы видели всего несколько минут назад. Чужая земля, совсем иная жизнь, незнакомый народ. Вагон раскачивало из стороны в сторону – сказывалась узкая колея венгерской железной дороги, – а я жадно всматривался в эту теперь уже немножко и «мою» страну, разглядывая названия маленьких полустанков и переводя жене надписи на венгерских вывесках.

Первое, что бросалось в глаза, – это бесчисленные наделы крестьян-единоличников, узкие делянки, на которые были нарезаны зеленые, несмотря на уже наступивший октябрь, поля вдоль дороги. Техники почти никакой, но удивительно много лошадей, тяглового скота. Не очень уж богатые хутора с домами средних размеров и хозяйственными постройками. Всюду копошились люди, причем работали и стар и млад. На проходящий поезд никто не обращал никакого внимания – некогда.

По внешнему виду крестьяне мало отличались от наших, только чувствовалось, что они посдержаннее, но вместе с тем, как я потом убедился, такие же добрые по характеру и с каким-то особым, не сразу понятным иностранцу внутренним миром. Подростки трудились в поле наравне со взрослыми – возили на арбах собранный урожай, стебли кукурузы, солому, разбрасывали навоз.

Венгерские крестьяне, как, впрочем, и все венгры, исключительно трудолюбивы. Делают все неторопливо, тщательно, увлеченно и с достоинством. Среди крестьянских угодий особой ухоженностью отличались виноградники. Вообще к винограду у венгров отношение совсем иное, чем к остальным сельскохозяйственным культурам, – они вкладывают в него всю душу, работают на виноградниках с особым удовольствием.

Городские картины тоже отличались от наших, и не только архитектурой. Любой, даже самый маленький городишко имеет все присущие своим большим собратьям черты – в каждом есть центральная площадь, главная улица, магазины с яркой рекламой, внушительных размеров собор, парадное здание для городских властей. Архитектурные памятники очень бережно охраняются, венгры не просто гордятся ими, но и хорошо знают их историю.

Вообще надо сказать, что отношение венгров к собственной истории необычайно уважительное. Это святое. Здесь кроются корни венгерского патриотизма, отсюда проистекает и явный национализм, также характерный для этого народа. Понимание и учет венгерского национализма необходимы для того, чтобы правильно строить отношения с этой страной, понимать существо происходящих в ней процессов. Тот, кто недооценивает эти факторы, в итоге все равно просчитается – исторических примеров тому более чем достаточно.

Мы получили жестокий урок в 1956 году, расплатившись в какой-то мере и за собственные ошибки, за пренебрежительное отношение к чувствам, традициям венгерского народа.

Сила венгерского национализма в чем-то напоминает мощный селевой поток. Его невозможно остановить, пренебрегать им опасно. Но разрушительные последствия потока можно значительно уменьшить, если направить несущуюся массу в нужное русло, дать ей выдохнуться, иссякнуть.

Было бы неверно думать, что в национализме как таковом нет ничего положительного, никаких созидательных начал. Когда надо направить энергию народа на что-то весьма значительное, добиться выполнения труднейшей задачи, то именно национализм может явиться здесь единственным подспорьем. Благодаря национализму Венгрия уцелела в борьбе за независимость и свободу, сохраняла дух народа даже в самые трудные времена.

Живучесть венгерского национализма проявляется хотя бы в том, что ни в одной нации венгры не растворялись, чаще они сами вбирали в себя выходцев из других стран. Трудолюбие, прилежность, терпимость к лишениям, организованность, любовь к порядку, высокая порядочность – вот те качества, которые сделали венгерскую нацию такой сильной, выносливой и жизнеспособной.

Есть и еще одна характерная для венгров черта – это их исключительное гостеприимство и дружеская расположенность к иностранцам. На дружбу венгров можно смело полагаться, но если они оказались по другую сторону баррикад, то вы столкнетесь с весьма серьезным противником.

...7 октября 1955 года к вечеру наш поезд прибыл на Восточный вокзал Будапешта. Я жадно вслушивался в долетающие из толпы голоса и вдруг ощутил, что понимаю лишь отдельные слова, но никак не фразы целиком. На обращения ко мне венгров я не смог ответить ничего путного – так и не понял толком, чего же все-таки от меня хотят. Это явилось для меня жестоким ударом! Я настолько был поглощен своими переживаниями, что даже на вопросы встретивших меня на вокзале товарищей из нашего посольства порой отвечал невпопад. Несколько успокоило лишь разъяснение одного из дипломатов, который, по его словам, испытал такой же

шок, когда впервые ступил на венгерскую землю. «Такое происходит с каждым, – заверил он меня, – через пару недель все войдет в норму».

Отчетливо помню также, что жена на вокзале крепко держала за руку сына, прижимала его к себе, не отпуская мальчишку ни на полшага. По-моему, она ничего не замечала вокруг и была занята лишь одной мыслью – не дать потеряться сыну в этой многолюдной незнакомой толпе.

Мы вышли из крытого вокзала и оказались на широком, обрамленном могучими липами проспекте Ленина, по обеим сторонам которого высились старинные дома прекрасной архитектуры. А спустя всего пятнадцать минут посольский автобус уже въезжал на территорию жилого дома нашего посольства на улице Лендваи.

С интересом осматривали мы место, где нам предстояло провести несколько лет. А жить поначалу пришлось в одной комнате большой трехкомнатной квартиры с обшарпанной мебелью, общей кухней и прочими очень знакомыми по Москве атрибутами коммунального быта. Впрочем, должен сказать, эти условия были настолько уже привычными, что не произвели на нас особого впечатления.

Так вот и началась моя первая (и вместе с тем последняя) зарубежная командировка на дипломатической службе, открывшая совершенно новую и очень яркую страницу в моей жизни – венгерскую. Эта командировка оказалась довольно бурной, сопряженной с большими трудностями и испытаниями. Именно венгерский этап во многом и определил мою дальнейшую судьбу, связал меня на целых 29 лет с Юрием Владимировичем Андроповым – человеком, который, едва блеснув в политическом зените нашей страны, сумел тем не менее оставить такой яркий след в ее истории.

У каждого посольства есть своеобразная летопись, связанная не столько с событиями и делами, сколько скорее с теми послами, которые их возглавляли. В период после 1945 года, когда советско-венгерские отношения были особенно насыщенными, об Андропове после говорили, пожалуй, как о самой яркой личности. Он стремительно завоевывал симпатии и уважение в среде послов других социалистических стран и даже, я бы сказал, в дипкорпусе в целом. Беседы с ним были неизменно содержательными и интересными, никогда не носили лишь протокольного характера.

Юрий Владимирович поражал собеседников своей эрудицией, легко мог вести разговор на философские темы, демонстрировал недюжинные познания в области истории и литературы. Единственное, в чем он, и пожалуй, не без некоторых оснований, считал себя профаном, – так это область экономики, чего он, кстати, и не скрывал.

Чем большим багажом знаний располагал Андропов, тем сильнее была его тяга к ним. Он много читал, любил и умел слушать.

В посольстве регулярно проходили целевые совещания, на которых велись откровенные дискуссии, поощрялись высказывания самых различных точек зрения. Андропов не боялся принимать ответственных решений, но при этом проявлял разумную осмотрительность, избегал чрезмерного риска. Если же вдруг возникала опасная ситуация, он никогда не терял головы, не лез напролом, но и не сдавал без боя свои позиции. Может быть, именно поэтому его сослуживцы всегда чувствовали себя с ним как за каменной стеной, никогда не впадали в панику, даже когда в силу каких-то обстоятельств Андропов делал ошибочный шаг.

Все знали, что Юрия Владимировича, если он действительно не прав, всегда можно переубедить и он откажется от ранее принятого решения, на какой бы стадии исполнения оно ни находилось.

Андропов редко сам прибегал к шутке, я не слышал от него ни одной забавной истории, ни одного анекдота, но вместе с тем он ценил юмор, не обижался, даже когда подшучивали над ним. Реагировал на это заразительным смехом, но никогда не подтрунивал над дру-

гими. Правда, веселью Юрий Владимирович отводил мало времени и быстро переключался на серьезный настрой.

Андропова всегда отличало чувство высокой ответственности за любое дело – большое или малое. Не помню ни одного случая, чтобы он пытался переложить ответственность на другого, скорее брал вину на себя, даже в тех случаях, когда, казалось, для этого не было никаких оснований.

По прибытии в Будапешт я с первых же дней начал активное знакомство со страной. Охотно откликался на приглашения посетить столичные предприятия, научные и учебные заведения, культурные центры, часто бывал в музеях, а пару раз в месяц отправлялся и в более далекие поездки.

Венгрия производила впечатление благополучной страны. Обилие товаров и продовольствия, низкие цены, отличное соотношение денежной и товарной массы. Хорошо помню, что в 1955–1956 годах на каждую денежную единицу в один форинт приходилось товаров на сумму три форинта.

По несколько раз в год для сбыта товаров проводились распродажи по бросовым ценам. Огромное количество товаров Венгрия поставляла в Советский Союз. Венгры – самые различные по своему социальному положению – говорили, что никогда еще они не жили так хорошо, как в 1955 году.

В стране не было безработицы, люди стали получать от государства бесплатное жилье, в невиданных масштабах шло строительство. Энтузиазм охватил широкие массы, и казалось, ничто не угрожало устоям новой народной власти.

Венгры ценят уважительное отношение к их стране, поэтому мои выступления на венгерском языке всегда воспринимались аудиторией с большим одобрением. Венгры – гордый и независимый народ. Дорожат всем своим, национальным и не нуждаются ни в чем чужом.

Как-то один наш товарищ, журналист, с похвалой отозвался о великом композиторе и исполнителе Ференце Листе, назвав его венгерским. Аудитория тотчас же шумно возразила, напомнив, что Лист – австриец.

Отношение к Советскому Союзу было отличным. Советские люди, находившиеся в Венгрии, чувствовали это в своей повседневной жизни. Торгово-экономические связи наших стран расширялись и углублялись по всем направлениям. Обмен делегациями, специалистами, частные поездки людей приобрели постоянный характер. Казалось бы, небо в советско-венгерских отношениях было безоблачно и ничто не предвещало мрачных перемен.

Но вот наступил 1956 год, ознаменовавшийся XX съездом КПСС и разоблачением культа личности Сталина. Доклад на съезде Н.С. Хрущева произвел прямо-таки ошеломляющее впечатление. Сразу воспринять все сказанное было просто невозможно, настолько тяжелыми и неожиданными оказались впервые обнародованные факты столь масштабных нарушений законности и чудовищных репрессий сталинского периода. Нужно было как следует осмыслить все сказанное, понять, как такое могло произойти в социалистической стране.

Ни одна коммунистическая партия, включая КПСС, пережить XX съезд без потрясений, издержек так и не смогла. То, что впереди нас ждут драматические события, стало ясно сразу же после доклада Хрущева.

XX съезд КПСС – это точка отсчета нового периода в истории КПСС и Советского государства, всего коммунистического движения, переломный этап в развитии стран народной демократии. В стратегическом плане выбранный курс был единственно верным, без него невозможно было здоровое развитие общества. Тактически же мы совершили серьезную ошибку, пойдя на этот шаг без соответствующего пропагандистского обеспечения.

В Москве явно недооценили опасности переноса тяжести обвинений на всю партию, на всех ее членов, на все Советское государство. Некоторые зарубежные коммунистические партии вообще не смогли перенести этого удара и прекратили свое существование. Огромные же

массы советских людей оказались в положении без вины виноватых, испытывая чувство горького разочарования и опустошенности.

Руководители братских партий не были заранее проинформированы о содержании предстоящего доклада Хрущева на XX съезде КПСС под предлогом сохранения намеченного шага в секрете. Но сразу же после съезда доклад стали передавать за рубеж всем руководителям партий, нисколько не заботясь о том, что он немедленно, без каких-либо разъяснений, станет достоянием самой широкой общественности. Все это поставило КПСС и другие братские партии в крайне тяжелое положение.

Тогдашнее руководство Венгрии во главе с Матиасом Ракоши попыталось ослабить негативную реакцию, произведенную на общественность своей страны материалами XX съезда КПСС. С этой целью в апреле 1956 года был проведен будапештский партийный актив с закрытым докладом на тему о советском съезде. Прений не открывали, было лишь подчеркнуто, что необходимые выводы нужно сделать и венгерским коммунистам (какие именно, при этом не сказали – на этот счет имелось в виду определиться позднее). Участники актива осознавали всю серьезность ситуации, но никто толком так и не понял, что же конкретно нужно делать в этой обстановке, с тем чтобы избежать чрезмерных издержек для партии в целом.

По стране тем временем поползли самые невероятные слухи о докладе Хрущева о культе личности Сталина. При этом подбрасывалась мысль о том, что подобные беззакония не обошли и Венгрию, только здесь, мол, власти пытаются скрыть беззакония, обмануть народ.

Ракоши чувствовал надвигавшуюся опасность, судорожно искал выход, пытался советоваться с Москвой, но, разумеется, никаких вразумительных ответов не получал, кроме призывов «действовать по обстановке». Ракоши неоднократно обращался за помощью к нашему послу в Будапеште Ю.В. Андропову, интересовался его личным мнением, просил выяснить позицию Москвы по некоторым вопросам, но все было тщетно. Андропов сам ломал голову над тем, что же все-таки происходит в Москве, поскольку никаких четких ориентировок не получал.

А тем временем опасные для венгерского руководства слухи стали обретать еще более драматическую окраску, продолжая все сильнее будоражить общество. Любые рассказы принимались за чистую монету. В результате каждый факт обрастал леденящими душу подробностями, из уст в уста передавались постоянно завышавшиеся цифры репрессированных венгерских граждан. А ведь в самой Венгрии, как и в других социалистических странах, хотя и были нарушения законности, но дело обошлось сравнительно малыми жертвами.

Надо отдать должное Ракоши: он не дал разгуляться репрессиям, устоял перед советским примером.

По официальным данным, в Венгрии с 1949 по 1953 год было незаконно репрессировано в судебном порядке несколько сот человек, из них расстреляно двенадцать, в том числе известный политический деятель Ласло Райк. Это во многом объяснялось тем, что Ракоши числился в любимчиках у Сталина и тот позволял и прощал ему больше, чем многим руководителям других стран.

Обстановка тем временем продолжала накаляться, сказывалось отсутствие решительных действий венгерских коммунистов, которые, вместо того чтобы выработать самостоятельную линию, все еще по привычке продолжали ждать директив из Кремля. Кризис власти приобрел угрожающий характер.

Чтобы хоть как-то разрядить ситуацию, в июне 1956 года Ракоши по настоятельному совету Москвы взял шестимесячный отпуск и выехал на лечение в Советский Союз. Тогда он еще не знал, что навсегда прощается с Венгрией, в которую после многолетней ссылки в Советском Союзе вернется уже мертвым, чтобы быть похороненным в Будапеште на кладбище для заслуженных ветеранов...

...Трагически сложилась судьба этого человека, впрочем, как и многих других видных деятелей мирового коммунистического и рабочего движения. Его слава и личная драма – отражение той сложной эпохи, в жерновах которой погибла целая плеяда замечательных людей, пламенных революционеров, решивших в свое время полностью отдать жизнь борьбе за интересы народа и до конца дней сохранивших верность своим идеалам.

Ракоши был одним из руководителей Коминтерна, работал с Лениным, считался его соратником. Об этом он и сам говорил с неизменной гордостью. В 1924 году Ракоши нелегально перебрасывается из Москвы в Венгрию для организации там партийной работы. Но в том же году его арестовывают и бросают в тюремные застенки. В заключении он проводит целых 16 лет! Держался Ракоши достойно, не раз смотрел смерти в глаза, но не сдался, выстоял.

В то время в Советском Союзе был образован комитет за освобождение Ракоши и его товарищей. Возглавила эту общественную организацию замечательная женщина, якутка по национальности, Феня Федоровна Корнилова.

В 1940 году Ракоши и его товарищи были обменяны на венгерские знамена, захваченные Россией в Первую мировую войну. Так Ракоши наконец оказывается на свободе. В Советском Союзе он возглавляет венгерских коммунистов. У нас обретает вторую родину, обзаводится семьей. Кстати, его женой становится та самая якутка, которая возглавляла когда-то комитет за его освобождение и теперь решила до конца дней разделить нелегкую судьбу мужа.

В 1944 году часть Венгрии была освобождена советскими войсками, и Ракоши возвращается домой. После войны он становится во главе объединенной Венгерской партии трудящихся и до 1956 года бессменно остается на этом посту. Одаренный, широкообразованный, Ракоши производит сильное впечатление на всех, кто с ним работает, просто соприкасается.

В 1947 году на одной из пресс-конференций для венгерских и иностранных журналистов в Будапеште он поражает присутствующих своей образованностью, эрудицией. На семи языках без услуг переводчиков Ракоши свободно отвечает на вопросы (пятью языками – русским, немецким, французским, английским, итальянским – он владел в совершенстве). Мировая пресса тогда писала, что в лице Ракоши на небосводе коммунистического движения возшла новая яркая звезда.

Рассказывали, что однажды поздно ночью Ракоши застали в его рабочем кабинете поглощенным каким-то занятием. На вопрос, что он с таким усердием делает, Ракоши ответил, что решил выучить румынский язык, возможно, это поможет ему глубже понять эту страну и тем самым добиться улучшения венгеро-румынских отношений. «Нужно лучше узнать друг друга, все-таки соседи», – заметил он.

Будучи даже такой яркой личностью, Ракоши не нашел в себе силы вырваться за пределы жестко насаждаемой нами линии, выйти на простор проведения самостоятельной политики Венгрии с учетом ее особенностей. Да это и сложно было сделать. Он был бессилен перед общим потоком, в который попали практически все европейские социалистические страны, да и не только европейские.

Спустя несколько лет, уже находясь в Советском Союзе, на обвинения тогдашнего руководства Венгрии в том, что его деятельность в стране привела к «извращениям, искривлениям, пренебрежениям национальными особенностями», он саркастически ответил, что только недалекие люди могут не учитывать наличия в то время общих источников как великих побед, так и совершенных ошибок.

Однако, несмотря на всю свою проницательность, Ракоши до последних дней так и не понял суть и причины событий, произошедших в Венгрии осенью 1956 года. Он винил прежде всего самого себя, но корень зла видел лишь в том, что напрасно поддался давлению Москвы и дал согласие оставить высший партийный пост и покинуть Венгрию. Объективное видение реальностей изменило даже ему, и он продолжал жить в другом, далеком от действительности измерении.

Ошибка одной-единственной личности, а за нее приходится расплачиваться целому народу, всей стране, причем не только ей одной. Хотя, разумеется, нельзя сваливать все на Ракоши: его суждения об общих источниках поразивших страны социализма бед не лишены оснований.

В 1961 году мне, тогда уже сотруднику аппарата ЦК КПСС, было поручено присутствовать на беседе двух представителей руководства Венгерской социалистической рабочей партии с Ракоши, которая состоялась в Краснодаре (этот город по просьбе венгерского руководства был определен в качестве места жительства для опального политического деятеля). Представителями ВСРП были Иштван Ногради – руководитель Центральной контрольной комиссии Венгерской социалистической рабочей партии и Дьердь Ацел – член ЦК партии.

Беседа длилась более восьми часов, из которых более шести говорил Ракоши. Цель посланцев из Венгрии состояла в том, чтобы высказать Ракоши претензии в связи с фактами его «антипартийной деятельности, подстрекательскими письмами и нежелательными встречами с некоторыми венгерскими гражданами».

Ракоши с ходу отверг все предъявленные ему обвинения, а на угрозу собеседников принять меры по разоблачению его поведения перед венгерской и мировой общественностью бросил фразу, которую я хорошо запомнил и, уверен, точно воспроизвожу по памяти: «Вы не забывайте, что перед вами единственный оставшийся в живых руководитель Коминтерна, работавший с Лениным под его личным руководством. Шестнадцать лет я провел в хортистских застенках в Венгрии, вел себя достойно, не сдался, выдержал все испытания. Во время войны еще раз доказал, что являюсь другом Советского Союза. Под моим руководством в Венгрии победила социалистическая революция, а вот без меня в 1956 году произошла контрреволюция».

Беседа была завершена, представители ЦК ВСРП поняли, что не смогут переубедить Ракоши, что взгляды его останутся неизменными.

Да, действительно, Ракоши до корней волос был революционером в том понимании этого слова, которое было присуще его времени. Но на смену одному этапу исторического развития неизбежно приходит другой, и он несет в себе уже иные понятия и реалии. Далеко не каждому дано осознать это, избавиться от прежних стереотипов, продолжать шагать в ногу со временем. Не был исключением, к сожалению, и Ракоши. Что это? Трагедия, беда человека или неумолимая логика эпохи, жестокая закономерность?

Пройдет время – и история, вернее, «мудрые», как всегда, историки задним числом во всем разберутся, разложат все и вся по нужным полочкам. К сожалению, для многих это будет слишком поздно...

С конца весны 1956 года обстановка в Венгрии накалялась угрожающими темпами. Тон задавала часть творческой интеллигенции, прежде всего писатели, журналисты, деятели искусства. В круговерть социально-политических событий стремительно вовлекалась городская молодежь, в первую очередь студенческая. Все сильнее проявляли себя средства массовой информации. Причем наибольшую активность (как часто все повторяется в этом мире!) нередко демонстрировали именно те, кто еще вчера слыл коммунистом и даже сталинистом.

Такие люди делятся на две категории. Одни прежде искренне заблуждались и теперь под влиянием всплывших на поверхность фактов захотели встать на чистую дорогу в жизни, решили исправить положение дел в стране. Другие же действовали из сугубо карьеристских соображений: однажды уже совершив восхождение в своем общественном и служебном положении в рамках старых порядков, они и теперь вознамерились сделать очередной рывок, отталкиваясь от нового трамплина.

Ставший в июне 1956 года во главе партии Эрнё Герё, не обладая необходимыми личными качествами политического руководителя, сухой по характеру, лишенный какого бы то ни

было ораторского дара (а для венгров, да и не только для них, это качество имеет очень большое значение), с самого начала показал свою беспомощность и не только не приобрел влияния на массы, но и растерял последние остатки авторитета партии.

6 октября 1956 года состоялся массовый траурный митинг в связи с захоронением останков необоснованно репрессированных в сталинские времена Ласло Райка и его шести товарищей. В митинге приняло участие до 300 тысяч человек. Это была генеральная репетиция перед основными событиями. Правда, сам митинг прошел организованно, не вышел из-под контроля официальных властей и не отличался особым накалом страстей или экстремизмом. Но именно он положил начало открытой подготовке к решающему выступлению против партии, правительства, самого социалистического строя. Было очевидно, что решающая схватка не за горами и что вопросы будут решаться теперь не в кабинетах, а на улицах.

Однако и в этой экстремальной ситуации высшее руководство ВНР продолжало бездействовать, вместо того чтобы предпринять хоть какие-то политические акции, дать понять широким массам, что их чаяния, тревоги и заботы понимаются наверху. Разрыв между руководством и народом все увеличивался. Несовершенство государственной системы, зародышевое состояние подлинно демократических институтов, неспособность к искусным маневрам, отсутствие опыта – все это и привело к таким далеко идущим последствиям. А ведь венгерские события по своим глубине и масштабам были первым такого рода кризисом в социалистическом лагере.

Уход в отставку тогдашнего венгерского руководства или хотя бы его основной части уже дал бы необходимый выигрыш во времени и внес бы столь желаемую разрядку в обстановку. Руководство же во главе с Герё хоть и было обречено, но продолжало цепляться за власть, ибо другие подходы были тогда социалистической практике неведомы.

23 октября Герё возвратился из поездки в Югославию. Что означал в такое время этот визит – беспечность или незнание подлинной ситуации в своей собственной стране? Пожалуй, и то и другое.

Вечером этого же дня на улицах Будапешта начала разыгрываться трагедия. Состоялась демонстрация, затем митинг. В общей сложности на улицах города собралось тогда до 100 тысяч человек. Лозунги произносились самые разные – от социалистических до откровенно фашистских. Просматривалась и антисоветская настроенность, но не у большей части людей. Общим скорее был антисталинский порыв.

Знание венгерского языка позволило мне вместе с другими сотрудниками посольства побывать на улицах и площадях, узнать, что говорилось на митингах.

Около десяти вечера раздались выстрелы в районе радицентра: его атаковала группа молодежи. Появились первые убитые и раненые. Солдат, подъезжавших на машинах к радицентру, тут же разоружали.

Эту картину я наблюдал лично, оказавшись у здания радио-центра именно в этот драматический момент.

Начались нападения на магазины, появились крепко подвыпившие молодые люди. Город за час-полтора изменился до неузнаваемости, начали действовать законы толпы, где уже совсем другая, не поддающаяся предсказанию логика.

Толпа двинулась на площадь имени Сталина, чтобы разрушить находившийся там памятник вождю. Спустя три часа удалось свалить статую. Ее низвержение сопровождалось безудержным ликованием собравшихся. Казалось, большего восторга и счастья никто из присутствовавших в своей жизни не испытывал. Сначала памятник с помощью автомашины раскатали из стороны в сторону, а затем, подрезав автогенем часть фигуры чуть выше сапог, тягачами свалили навзничь (так и стоял потом еще несколько дней на площади постамент с одними сапогами на нем, что дало повод жителям Будапешта тут же окрестить это место «пло-

шадью сапог»). Повергнутая статуя мгновенно скрылась под телами забравшихся на нее людей. Площадь огласилась каким-то диким ревом.

И вдруг – то ли от еще сохранившегося страха перед этим человеком, то ли просто отрезвев от отвратительной сцены варварства – люди как-то разом притихли и стали поспешно уходить, вернее, даже убегать прочь от зловещих обломков. Через минуту бегство приобрело массовый характер, толпа была буквально охвачена паникой.

В этот момент кто-то запел национальный гимн. Все замерли на месте. Гимн разом привел толпу в чувство, успокоил, хотя люди и продолжали постепенно расходиться. Когда стихло пение, у поверженной статуи осталась сравнительно небольшая инициативная группа, которая и приняла решение организовать «траурный кортеж», с тем чтобы доставить бронзовую фигуру вождя «на родину» – во двор советского посольства – и там похоронить ее.

Уже в пути планы, однако, изменились: статуя была отвезена к берегу Дуная и сброшена в воду. По пути значительную часть памятника растащили по кусочкам на сувениры.

Здесь уместно вспомнить, что в марте 1953 года Венгрия очень тяжело переживала смерть «вождя народов». Его там в ту пору действительно почитали, причем уважение и любовь к нему в народе были неподдельными.

В ночь на 24 октября 1956 года положение в столице полностью вышло из-под контроля властей. Во многих местах слышалась стрельба, начались повальные грабежи магазинов, учреждений, работа общественного транспорта была полностью парализована, жители стали спешно покидать город. Положение осложнилось активным вовлечением в беспорядки учащейся молодежи.

Венгерское руководство по телефону правительственной связи рвалось в Москву к Хрущеву, настоятельно убеждая советскую сторону оказать необходимую помощь в нормализации обстановки в Будапеште. Несмотря на бесчисленные призывы, Андропов отказался ставить перед Москвой вопрос о вводе наших войск в столицу, поэтому Герё стал решать этот вопрос напрямую с Хрущевым.

24 октября утром советские воинские части вошли в Будапешт. На некоторых направлениях завязались бои с применением орудий, бронемашин и танков.

25 октября Герё наконец-то заявил о своей отставке. Ушли со своих постов и некоторые другие руководители. Но было слишком поздно: этот шаг уже не сыграл своей конструктивной роли.

Выдвижение на пост премьер-министра Андраша Хегедюша – молодого, энергичного, прогрессивного и бесспорно талантливого руководителя – также не спасло ситуацию. В условиях политической неразберихи власть в итоге перешла в руки Имре Надя – этой поистине роковой фигуры в венгерской истории.

Об этом человеке следует сказать особо. Его жизнь была тесно связана с Советским Союзом. Во время Первой мировой войны он попал в плен и на целых 26 лет остался в нашей стране. До Второй мировой войны Надь принимал активное участие в работе венгерской секции Коминтерна, особых постов он, правда, там не занимал, но был, как говорится, на виду.

Сталинские репрессии больно ударили по венгерским коммунистам, погиб их руководитель Бела Кун, но Надя они как-то обошли стороной – что ж, не всех ведь постигла тяжелая участь, повезло и ему. Так, по крайней мере, полагали сами венгры.

В 1945 году Надь возвращается в Венгрию, где принимает участие в строительстве новой жизни. Репрессии в этой стране, имевшие место в сталинский период, его тоже не затронули.

После 1953 года Надь занимал ряд высоких постов, в том числе был премьер-министром. Между Ракоши и Надем постоянно возникали серьезные разногласия по принципиальным вопросам социалистического строительства. В числе прочего Надь обвинялся в поддержке сил, выступавших за «буржуазные» порядки, подвергался критике за националистические настро-

ения, непоследовательность в политике. Все подмечали у него склонность к демагогии. Короче говоря, вскоре Надь оказался не у дел.

Когда летом 1956 года обстановка в Венгрии стала накаляться, о нем вспомнили. Инициативу, кстати говоря, проявил Анастас Иванович Микоян.

Надо сказать, что Микоян верил Надю и полагал, что на него можно делать ставку. Правда, поддержки в этом вопросе ни среди советских специалистов, ни у венгров Микоян не находил. Тогда он решил лично убедиться в обоснованности своей позиции.

В июне 1956 года Микоян попросил Хрущева разрешить ему встретиться с Надем в здании советского посольства в Будапеште. Андропов поручил мне (я был тогда пресс-атташе посольства) созвониться с Надем и в случае его согласия привезти гостя в посольство.

На наше предложение о встрече Надь без промедления ответил согласием, и вскоре я отправился за ним. По дороге Надь с теплотой рассказывал о своем пребывании в Советском Союзе, говорил, что привык к советской прессе, особенно к «Правде», регулярно слушает московское радио. По поводу своей дочери мой спутник заметил, что она вообще больше русская, чем венгерка, как по воспитанию, так и по языку. Сам Надь по-русски говорил совершенно свободно, без всякого акцента. В машине он ненавязчиво обронил несколько фраз о том, что не мыслит Венгрию без тесного союза с Советским государством, дал понять, что лучше его кандидатуры Москва не найдет, что с ситуацией в стране только он в состоянии справиться.

Как мне рассказывали, беседа Микояна с Надем носила характер глубокого зондажа и завершилась обоюдным выводом о целесообразности взаимного сотрудничества. Но, как отмечали венгерские друзья, Надь часто говорил одно, а делал совсем другое. С одной стороны, он вроде бы давал заверения в сохранении дружбы с Советским Союзом, но наряду с этим продолжал принимать активное участие в подготовке антиправительственных акций.

Когда в конце октября 1956 года он занял пост премьер-министра, его первыми шагами стали выход Венгрии из Организации Варшавского договора и обращение к Западу за помощью. Прослеживалась явная ориентация Надя на появлявшиеся новые антисоциалистические партии и организации, в его выступлениях звучали призывы к реставрации капитализма. Не преминул сделать Надь и ряд резких антисоветских заявлений.

Но все это стало очевидным потом, пока же Надю удалось заручиться поддержкой Микояна, а тот, в свою очередь, сумел убедить советское руководство в том, что именно Надь способен вывести Венгрию из тяжелейшего кризиса.

Эта ошибка дорого стоила и нам, и нашим венгерским друзьям. Юрий Владимирович рассказывал мне, что 1 ноября 1956 года на заседании Президиума ЦК КПСС деятельность А.И. Микояна на венгерском направлении была подвергнута весьма суровой критике, но было поздно, к тому времени Надь успел уже натворить много бед...

30 октября советские воинские подразделения покинули Будапешт, так как их дальнейшее пребывание там, казалось, было лишено всякого смысла.

Действительно, власть к тому времени полностью перешла в руки Надя, Герё и Хегедюш оказались не у дел, а Янош Кадар вообще вынужден был уйти в подполье. Нашим войскам в этих условиях просто не на кого было опереться. Кроме того, у многих были еще иллюзии насчет того, что венгры смогут сами во всем разобраться и, по крайней мере, навести порядок в столице.

В те самые часы, когда советские воинские части покидали венгерскую столицу, состоялась встреча Микояна с известным политическим деятелем, лидером партии мелких сельских хозяев Венгрии Тильди Золтаном. Беседа проходила прямо на улице – до событий это был проспект имени И.В. Сталина, во время событий – Венгерской молодежи, затем, когда стихли бои, Народной Республики, а сейчас – имени Андраши. Даже по неоднократной смене всего за каких-то два месяца названий этого проспекта – одного из центральных в Будапеште – можно

судить о тех бурных изменениях, которые происходили в тот период в политической жизни страны.

Микоян сообщил Тильди Золтану о начавшемся выводе советских войск из Будапешта и выразил надежду, что новым властям удастся самостоятельно навести общественный порядок в городе. Он поинтересовался оценками собеседника перспектив дальнейшего развития обстановки в Венгрии и будущего советско-венгерских отношений.

Тильди Золтан, который явно уже видел себя в роли президента государства, приветствовал уход советских войск из столицы, заверял, что безобразия в Будапеште и других городах страны прекратятся и сразу же наступят мир и спокойствие. По его словам, отношения между Венгрией и Советским Союзом получают всестороннее развитие. «Конечно, – заметил он, – придется пересмотреть кое-что во внутренней и внешней политике, но венгерская сторона будет активно консультироваться с Москвой». Уверенность исходила от каждого слова собеседника.

Жизнь, однако, не замедлила опровергнуть такой «прогноз». Тотчас же после ухода наших войск начался дикий разгул грабежей и насилия. Самосуды вершились один за другим. В Будапеште на фонарных столбах вешали коммунистов, «агентов Москвы».

В беседах с совпослом Надь говорил о чувстве дружбы к Советскому Союзу, а в своих публичных заявлениях приветствовал улицу, призывал и дальше «развивать революцию». Надо было срочно спасать положение, а этого можно было добиться только одним путем – вернуть назад наши войска, выведенные из Будапешта всего пять дней назад.

И вот 4 ноября части Советской армии вновь вступили в город, для того чтобы исправить ошибки политиков.

В конце октября – начале ноября 1956 года наступил, пожалуй, самый критический момент. Значительно осложнилась и ситуация вокруг советских учреждений, посольство оказалось в осаде, каждый выход из здания был сопряжен с опасностью. Дипломаты давно уже перешли, по существу, на казарменное положение, ночевали в своих служебных кабинетах и лишь изредка, да и то только после возвращения наших войск, на полчаса поочередно вырывались на армейских бронетранспортерах домой, чтобы навестить семьи, которые оставались в жилом доме, расположенном в нескольких кварталах от посольства. Вскоре членов семей, к счастью, удалось эвакуировать в Союз, и с наших плеч свалился тяжелый груз постоянных опасений за их судьбу.

Надо сказать, что для тревоги за жизнь близких были серьезные основания. Ведь первое время жилой дом вообще оставался без охраны, и его несколько раз занимали вооруженные мятежники. Лишь после 4 ноября несколько наших солдат стали постоянно дежурить в здании, обеспечивая хоть и символическую, но все же защиту его обитателей.

Советское посольство работало в те дни в крайне напряженном ритме. Необходимо было давать подробную информацию в Москву, продолжать работать с местными властями, решать массу сложных вопросов, возникавших в той ситуации буквально ежеминутно. Одной из первейших задач, стоящих тогда перед нами, было спасение венгерских друзей, жизнь которых в те дни буквально висела на волоске.

Вспоминаю бессонные ночи, выходы для сбора информации на обезлюдевшие улицы, тайные встречи с венгерскими товарищами, порой при весьма небезопасных обстоятельствах. Мы помогали найти убежище тем, кому угрожала расправа, находили возможность для контактов с дипломатами из посольств других социалистических стран.

Знание венгерского языка позволяло вступать в разговор с венграми, получать свежую информацию прямо из центра событий. Хорошо, если перед тобой оказывался благожелательный собеседник, но частенько попытки завязать беседу заканчивались тем, что приходилось в буквальном смысле слова уносить ноги, как только по акценту в тебе распознавали русского.

Выполнение официальных поручений, сопряженных с посещением соответствующих учреждений и ведомств, тоже было отнюдь не простым делом, до них ведь надо было как-

то добраться, а затем еще с документами вернуться обратно в посольство. Не обходилось, конечно, и без серьезных ЧП. Об одном из них следует рассказать особо.

В ночь на 24 октября 1956 года в Будапешт должен был прилететь А.И. Микоян с группой товарищей. Встречать его на военный аэродром выехал Андропов вместе с военным атташе. На окраине столицы они попали в засаду, были обстреляны, при этом их пробитая пулями автомашина, угодившая к тому же еще в завал из деревьев, полностью вышла из строя. Пассажирам пришлось глубокой ночью в течение более двух часов пешком добираться до своего посольства.

А на улицах Будапешта было неспокойно, бродили толпы возбужденных и вооруженных людей. Андропов шел твердой походкой, даже неторопливым шагом. Не раз на них обращали внимание, несколько раз пытались остановить, но каким-то чудом все обошлось благополучно. Сопровождавшие Андропова лица с восхищением рассказывали о его выдержке и самообладании. Сам же Юрий Владимирович признался потом, что это происшествие стоило ему огромного нервного напряжения.

Для иллюстрации настроений в Будапеште в то время стоит рассказать об одном случае. Больше года я был знаком с одним венгерским другом, довольно известным в стране ученым, доктором наук Ласло Вартаи. Знал хорошо его семью, неоднократно бывал у него дома. Это были нормальные отношения советского дипломата с одним из представителей венгерской науки. Во время встреч речь часто заходила об обстановке в стране, о советско-венгерских отношениях, о путях и перспективах развития венгерского общества. По своему настрою Вартаи был ближе к левым, демократическим силам. К Советскому Союзу относился неплохо, но явно тянулся и к Западу.

Когда начались описываемые события в Венгрии и наши войска вошли в Будапешт, у моего друга это вызвало бурю негодования, он однозначно осудил наше военное вмешательство. Мне показалось тогда, что я потерял его навсегда.

Но вот 30 октября 1956 года советские воинские подразделения покинули венгерскую столицу, и сразу же началась настоящая охота на коммунистов, сотрудников органов госбезопасности. Будапешт захлестнули акты насилия и грабежи.

2 ноября в посольстве раздался телефонный звонок, и кто-то, назвавшись незнакомым мне именем, на немецком языке спросил меня. По голосу я сразу понял, что это Вартаи. Намеками договорились о времени и месте срочной встречи, на которой настаивал мой собеседник.

И вот в ночь на 3 ноября мы встретились. Каково же было мое удивление, когда Ласло начал разговор с извинений за свои недавние слова по поводу вмешательства наших войск. Он поведал мне о страшных фактах разгула реакции (так он сам выразился), причем не только в Будапеште, но и в провинции, с волнением говорил о том, что страну утопят в массовых репрессиях, если вовремя не поспеет прямая военная помощь со стороны Советского Союза. Я не верил своим ушам! Всего пять дней назад Вартаи нахваливал Имре Надя, а сейчас называл его не иначе как предателем.

Потребовалось всего несколько дней, чтобы в душе человека произошла настоящая революция – от осуждения нашего вмешательства до призывов к немедленному оказанию вооруженного содействия! А ведь лично ему, Вартаи, как известному демократу и прозападно настроенному ученому, ничто не угрожало...

За истекшие годы оценка событий в Венгрии менялась неоднократно, но кардинально – лишь дважды. Тем не менее, по моему глубокому убеждению, последнее слово историей пока еще не сказано. Отнюдь не претендую на такое слово и я. Представляется, что однозначного ответа вообще нет, да и быть не может. Те десятки тысяч, что вышли на улицы Будапешта 23 октября и в последующие дни, едва ли были контрреволюционерами, какой-то реакционной силой. Но разве те, кто на сей раз оказался по другую сторону баррикад и принимал участие в убийствах, грабежах, в других преступлениях, кто насильственно низвергал властные струк-

туры, кто силой принуждал принимать решения, угодные одним и противоречащие интересам других, разве они вправе называть себя истинными революционерами?!

Так уж получилось, что к коммунистам примазывалось немало случайных попутчиков, которые своими действиями нанесли невосполнимый урон всему движению, сплотили против себя мощный фронт сопротивления, куда вошли и те, кто изначально стоял на куда более правительных позициях, нежели сами эти псевдокоммунисты.

В этой связи стоит воспроизвести оценки бывшего члена высшего партийного руководства Венгрии, директора института общественных наук ЦК ВСРП Дьердя Ацела. Этот общественно-политический деятель, ученый, политолог всегда отличался неординарным, самостоятельным мышлением. Он никогда не находился во власти конъюнктурных подходов, отчего нередко испытывал лишения, подвергался критике то слева, то справа. При Ракоши он был репрессирован, осужден и вышел на свободу уже после смерти Сталина. При Яноше Кадаре на последнем этапе входил в высшее партийное руководство, стоял на социалистических позициях, но последовательно выступал за обновление существовавшей общественно-политической системы, за что стал мишенью для критики слева. А в последнее время, уже после Кадара, за мужественное отстаивание социалистических идей и призывов к сохранению основополагающих начал народной власти подвергался гонениям уже справа. Так что его суждения, даже по одним лишь этим примерам, можно считать вполне непредвзятыми и поэтому заслуживающими особого внимания.

В статье «У демократизации нет альтернативы», опубликованной в июле 1989 года в журнале «Проблемы мира и социализма», Ацел так описывает октябрьские события (1956) в Венгрии: «Сегодня оживились дискуссии о его (митинге 23 октября 1956 года в Будапеште) характере, направленности: революция это была или контрреволюция? Народное восстание или мятеж реакционных сил, сумевших обманом вывести народ на улицы? Но однозначного ответа на эти закономерные вопросы пока нет. Важно учитывать, что состав участников и объективное содержание их выступлений менялись по мере развития событий. Так, в массовой демонстрации вечером 23 октября определяющим было требование обновления социализма, коренной демократической реформы. Наряду с этим в последующие две недели характерным стало смешение многообразных сил и целей: лозунгам обновления вторили голоса в пользу народно-демократического устройства власти, установленной после 1945 года. Ожилились и сторонники старого, свергнутого более десяти лет назад режима, силы, желавшие в несколько модернизированной форме – парламентской демократии западного типа – вернуться к прошлому. Имели место также экстремистские проявления: стали поднимать голову консервативно-националистические и крайне правые, антикоммунистические, хортистские, христианско-националистические силы, вплоть до деклассированных, преступных и реваншистских элементов».

Думаю, эти высказывания Ацела содержат важный ответ на непростой вопрос.

4 ноября 1956 года, когда советские воинские части вновь вошли в Будапешт, Имре Надь с группой своих единомышленников бежал в югославское посольство, где и получил временное убежище. 22 ноября по договоренности между Венгрией, Югославией, Румынией и Советским Союзом он вместе со своими четырьмя сообщниками был вывезен в Румынию, так как югославы по целому ряду соображений были не в состоянии продолжать держать мятежников в своем оказавшемся в изоляции посольстве в Будапеште. Да и венграм пребывание Надя в Будапеште доставляло немало хлопот.

Советская сторона также была заинтересована в скорейшем разрешении этого конфликта в интересах снижения напряженности в стране в целом. Спустя несколько месяцев имренадевцы были, однако, возвращены в Венгрию и переданы в руки властей. В июле 1957 года они предстали перед судом, были приговорены к высшей мере наказания и казнены. А спустя 33

года последовала реабилитация, в столице на государственном уровне состоялась официальная траурная церемония перезахоронения останков Надя и других казненных с ним лиц.

Янош Кадар называл историю с Надем своей личной трагедией. Кадар немного не дожил до того дня, когда стали известны достоверные материалы о причастности Надя к репрессиям против группы венгерских эмигрантов в Советском Союзе в 30-х годах. Как видно из материалов, переданных венгерской стороне в 90-х годах, Надь, будучи агентом НКВД (псевдоним Володя), сделал ложный донос о якобы имевшей место антисоветской деятельности ряда венгерских эмигрантов (в эту группу попало более 200 человек). Многие из них были осуждены, а некоторые даже расстреляны.

Вряд ли кто будет оспаривать, что этот важный штрих в биографии Надя представляет всю историю с ним в совершенно ином свете. Хотел бы подчеркнуть, что ни Ракоши, ни Кадар, ни другие венгерские друзья понятия не имели об этой до последнего времени тайной стороне биографии Надя, хотя кое-какие слухи на этот счет в Венгрии все же циркулировали. Говорил мне об этом как-то и сам Кадар. В Советском Союзе соответствующие документы в архивах КГБ были обнаружены лишь в 1990 году.

К 10–11 ноября 1956 года бои в Будапеште утихли, в стране начался сложный и болезненный этап восстановления нормальной жизни. Возглавил этот процесс Янош Кадар – человек необычной судьбы, редких дарований, патриот и в то же время яркий интернационалист, искренний друг Советского Союза. О нем речь впереди, а сейчас очень кратко о том, как Венгрия стала выходить из тяжелейшего кризиса.

В те мрачные ноябрьские дни среди венгров, да и у нас тоже преобладали пессимистические прогнозы. Казалось, процесс нормализации затянется на многие годы, не удастся избежать периодических вспышек социальных конфликтов. Как переломить ситуацию? Как внушить людям, что у правительства Кадара самые добрые намерения, горячее стремление быть вместе с народом, в полной мере учитывать его чаяния?

Созданная в дни событий, в самом начале ноября, Венгерская социалистическая рабочая партия (вместо распущенной Венгерской партии трудящихся) провозгласила содержательную программу обновления общества, его демократизации и опоры на широкие слои населения. Были сняты ограничения на индивидуальную и частнопредпринимательскую деятельность. Правительство пошло на значительное повышение жизненного уровня, рост которого в январе 1957 года составил 22 процента.

Это был, конечно, чрезмерный скачок, что в последующем пагубно сказалось на экономике страны и негативно повлияло на политическую обстановку, порождая у населения все новые и новые запросы и требования повышения заработной платы.

Но в целом ситуация в стране улучшалась, причем даже быстрее, чем предполагали в Венгрии и за ее пределами. Расстановка социально-политических сил в обществе при ее глубоко и объективном анализе в целом была не такой уж плохой. Около 8–10 процентов населения активно действовали против власти, до 20 процентов стояли на позициях венгерского руководства, хотя и проявляли себя при этом куда менее активно. Остальные, приблизительно 70 процентов, оставались пассивной массой и тем самым представляли собой как бы резерв для первых и вторых, но все-таки больше симпатизировали социалистическому выбору.

Улучшению политической обстановки, развитию народного хозяйства, расширению и углублению демократических процессов во многом помогали активность, укрепляющиеся связи руководителей всех уровней с народом. Главным в своей деятельности партия определила лозунг «борьбы за массы» и последовательно проводила его в жизнь.

1 мая 1957 года в Будапеште состоялся грандиозный митинг с участием 500 тысяч человек. Такого прежде Венгрия не знала. Кадар произнес блестящую речь. Главное содержание первомайского митинга сводилось к необходимости продолжения строительства социализма, поддержки правительства Кадара, укрепления дружбы с Советским Союзом. Было очевидно,

что страна вышла из острейшего кризиса 1956 года и встала на путь обновления. Такой политике народ оказал внушительную поддержку. Огромная заслуга в этом принадлежала самому Кадару.

Тридцать два года занимал этот человек высшие посты в партии и правительстве. Как и у многих революционеров-коммунистов, у Кадара была непростая судьба, от жизни он нередко получал тяжелые удары, но всякий раз поднимался – порой, казалось бы, уже из политического небытия – и энергично включался в активную партийную и государственную деятельность, неизменно занимая видное положение в обществе.

Янош Кадар родился 26 мая 1912 года в полу славянской бедной семье. Жил с матерью, так как отец ушел к другой женщине. Рано вступил в рабочее движение, в компартию. Из хортистской Венгрии Кадар не уезжал, представляя именно местную часть коммунистического движения Венгрии (в отличие от Ракоши, Герё, И. Реваи и других, которые возглавляли так называемую промосковскую группу). Между этими частями никогда не было полного мира и согласия, напротив, трения иногда приобретали настолько серьезный характер, что кое-кому это стоило не только постов, но и жизни.

При хортистском режиме Кадар не раз подвергался арестам, но сравнительно легко отделялся. В 1944 году он активно включился в работу по созданию новой Венгрии, казалось, ближе сошелся с Ракоши. В конце 40-х – начале 50-х годов был министром внутренних дел, и именно в это время была арестована группа Ласло Райка. Инициатива ареста принадлежала не Кадару, это известно, и сам он не раз подчеркивал это обстоятельство. Райк попал под жернова сталинских репрессий, их венгерского ответвления.

В 1951 году арестовывается сам Кадар по стандартному обвинению в шпионаже, но в 1954 году он снова на свободе, и все обвинения против него сняты за полной их необоснованностью. Находясь под арестом, Кадар испил до дна всю горькую чашу унижений и мучений, вплоть до бесчеловечных пыток. Это оставило у него глубокую, так до конца дней и не зажившую рану. Он часто в разговорах возвращался к своему аресту, хотя для него эти воспоминания были тяжелой мукой.

Кадар, пожалуй, больше чем кто-либо из руководителей других социалистических стран понимал настоятельную потребность в глубоких и всесторонних реформах общественного развития. Будучи однозначным приверженцем социалистического пути, он тем не менее был сторонником радикальных перемен в подходах к проблемам общественного и государственного строительства, выступал за политический плюрализм, за согласие и сотрудничество всех социальных сил.

Еще в середине 60-х годов Кадар заговорил об исчерпании источников экстенсивного роста экономики, о необходимости повышения гибкости социалистической системы хозяйственного управления, ее всеобъемлющей реформы. С 1968 года в Венгрии действительно стали последовательно проводиться реформы.

В экономике сразу почувствовались глубокие перемены. Предоставление большей свободы предприятиям, наделение их правом самостоятельного выхода на внешний рынок, акцент на экономические рычаги, установление прямой зависимости субъектов производства в промышленности и сельском хозяйстве от эффективности их работы, а также многое другое – вот реальные результаты политики Кадара в этой области.

За Кадаром заслуженно утвердилась слава реформатора. На таких же реформистских, прогрессивных позициях стоял он и в вопросах литературы, искусства, культурной жизни общества в целом. Этого творческого запала хватило Кадару надолго.

В течение первой половины своего пребывания на посту лидера он выступал за периодическую сменяемость руководителей в высших эшелонах власти, причем не просто говорил об этом, но и пытался подать личный пример, подняв в 1972 году на заседании политбюро ЦК ВСРП вопрос о своем уходе на пенсию. О намерении уйти в отставку Кадар неоднократно

говорил Ю.В. Андропову, контактов с которым никогда не прерывал. Делился такими замыслами Кадар и со мной.

Его близкие друзья поняли, что у Кадара действительно созрело такое решение. Вот тут-то и начались песни на старый, до боли известный мотив: «Что будет с Венгрией, если Кадар уйдет с поста руководителя партии?»

В правовом отношении вопрос о сменяемости высших руководителей, об их уходе с постов по истечении определенного времени тогда отрегулирован не был, такой, казалось бы, нормальной практики не было ни в одной социалистической стране. Поэтому в ход пошли и в конечном счете одержали верх чисто обывательские доводы (подбрасываемые, в частности, и с нашей подачи) – нет, мол, замены, сложный момент (хотя тогда ситуация в Венгрии в общем-то была неплохой), народ не поймет, что скажут в мире, и прочее словоблудие на ту же тему.

В результате решили так: пусть Кадар продолжает занимать свой пост, но работает при этом (с учетом состояния здоровья) ограниченное количество часов в день, для стабильности этого будет, дескать, вполне достаточно. Уговорили на такой вариант и Кадара, который согласился остаться на посту лидера партии, несмотря на все свои благие намерения, и занимал его потом еще целых 16 лет!

Но эти годы уже не шли ни в какое сравнение с предыдущими: не те силы, отсутствие прежней тяги к новому, неспособность сколотить новую, молодую и энергичную команду, привычка к прежнему стилю работы и многое другое.

Результат не заставил себя ждать – Венгрия начала заметно терять в темпах и качестве развития.

Руководство, живя лишь старым багажом, стало отрываться, изолироваться от масс, недовольство все острее ощущалось и справа, и слева, и в центре. Кадар еще как-то держался на старом авторитете и на своих личных качествах – таких как честность, порядочность, демократизм, терпимость к инакомыслию, но долго продолжаться это не могло.

Одним из первых шагов Кадара после прихода к власти в 1956 году было дальновидное и по тем временам принципиально новое решение – ввести порядок, согласно которому высшие руководители получали бы сравнительно небольшую зарплату и не имели бы никаких особых привилегий. Питание, жилье, пользование дачами – все должно было оплачиваться руководством, включая и самого Кадара, из собственной зарплаты. Путевки в санатории и дома отдыха, посещение охотничьих хозяйств, квартиры и коммунальные услуги – все эти расходы также покрывались начальством самостоятельно. А источник один – зарплата.

Надо сказать, Кадар строго следил за соблюдением установленного порядка и сам никогда не нарушал его. Не случайно вопросы этики, честности, проблемы с финансовыми расходами ни в период пребывания Кадара у руководства, ни после его ухода никогда никем не поднимались, хотя, приди к власти в Венгрии оппозиция, она не преминула бы воспользоваться порочащими своих предшественников фактами, если бы таковые имелись.

На одной особенности характера Кадара следует остановиться особо, поскольку она представляется весьма поучительной. Кадар и как человек, и как политик был, в сущности, одинаков. Все его личные качества находили адекватное выражение в нем как в политическом деятеле. Так, он был исключительно постоянен в отношениях с людьми. Его личные друзья были близкими к нему и по политической деятельности, трудились вместе с ним.

Но Кадар, к сожалению, оказался заложником своих привязанностей. На протяжении многих лет он держал вокруг себя практически одну и ту же команду, мало обновлял ее состав, не приближал к себе свежих людей, деятелей с политическими взглядами, отличными от его собственных. Достойные всяческой похвалы качества Кадара-человека, его отношения с близкими к нему людьми мешали делу, когда речь шла о Кадаре-политике. Личные привязанности сковывали его действия, зачастую тяготили, но освободиться от этой черты Кадар так и не смог.

С этим были сопряжены серьезные издержки. Ведь многие, в том числе и весьма способные, люди тянулись к Кадару, относились к нему с искренним уважением, но, видя его нежелание сотрудничать с ними, отходили в сторону или даже оказывались в стане оппозиции.

Еще одна, тесно связанная с первой ошибка заключалась в том, что Кадар и на других людей смотрел через призму личного постоянства, не замечал ни их роста, ни появления у них отрицательных черт, ни даже перерождения некоторых из них. В его представлении люди на каком-то уровне как бы застывали в своем развитии. Впрочем, эта особенность Кадара в последние годы распространялась не только на людей, но и на его видение обстановки, процессов, происходящих в обществе.

И все-таки Кадара никак нельзя назвать консерватором. Он все время пытался найти какие-то свежие решения в социально-экономической области, демонстрировал неординарные подходы к формам и методам управления. При этом он отнюдь не держался мертвой хваткой за свой пост, продолжал постоянно думать об уходе, о необходимости передачи власти в другие руки, но в решении этого центрального кадрового вопроса был настолько привередлив, что долго не мог сделать свой выбор. В результате такой необходимый шаг запоздал как минимум лет на восемь.

Последние два-три года Кадар руководил страной, будучи уже далеко не в лучшей форме, здоровье заметно сдавало. К сожалению, это в той или иной мере было характерно для всех бывших социалистических стран. Пример же, что греха таить, подавали мы сами. Смена лидера выросла в такую проблему, что порой заслоняла собой все остальные интересы государства! За эти ошибки в итоге мы так жестоко и поплатились.

Отношение Кадара к Советскому Союзу всегда отличалось не только искренним чувством дружбы и глубокого уважения, но и неизменной честностью и принципиальностью: он без колебаний доводил до советского руководства свои критические оценки по тем или иным аспектам внутренней и внешней политики нашей страны. Не мог скрывать и своего отношения к некоторым из советских руководителей. До конца дней не потерял своего уважения к Хрущеву, ценил дружбу с Андроповым, а вот с Брежневым так и не сошелся.

В целом же Кадар оставил глубокий след в истории венгерского народа, добрую память о себе и своих делах. Его бескорыстие, самоотдачу высоко ценили не только в стране, но и за рубежом. Беспристрастный взгляд на политический курс и практическую деятельность Кадара за три десятилетия его руководства поможет высветить немало поистине исторических достижений в жизни венгерского общества.

В 1958–1959 годах, то есть всего за два года, в Венгрии по инициативе сверху была совершена аграрная революция. Была практически полностью кооперирована деревня, причем без применения насильственных методов. Признавался и допускался только один путь – убеждение крестьян-единоличников в преимуществах коллективной формы ведения сельского хозяйства.

Учет венгерских особенностей, местных условий и традиций, крестьянской психологии, положительный пример действовавших сельскохозяйственных кооперативов и государственных хозяйств позволили, с одной стороны, безболезненно в социально-политическом отношении решить проблему кооперирования, а с другой – избежать падения сельхозпроизводства. В одних производственных кооперативах личный скот содержался в общем стаде, в других коллективное поголовье отдавалось для откорма в приусадебные хозяйства крестьян – членов кооператива. В зависимости от размера обобществленного надела своей земли каждый член кооператива получал пожизненную земельную ренту. С самого начала кооперативам была предоставлена широкая хозяйственная самостоятельность.

Социалистическое сельское хозяйство Венгрии поражало своей эффективностью. Продовольственная проблема в стране в своей основе была решена, причем в кратчайшие сроки.

Тяготы жизни хортистской Венгрии, которую обоснованно называли страной «трех миллионов нищих», ушли в прошлое.

После себя Янош Кадар оставил в общем-то небедную страну. До него венгры жили намного хуже, а вот как они будут жить в ближайшие годы – надо еще посмотреть. Характерно, что Кадара никогда не поносили в средствах массовой информации, над ним иногда подшучивали, но по-доброму, с чувством уважения.

Случилось так, что как раз в день утверждения на сессии Верховного Совета СССР моей кандидатуры на пост председателя КГБ, 8 августа 1989 года, Венгрия прощалась с Яношем Кадаром. В похоронах приняло участие более 500 тысяч человек, причем люди пришли сами, без каких-либо призывов сверху, чтобы проводить в последний путь этого человека и тем самым отдать дань его неоспоримым заслугам.

В августе 1959 года моя командировка в Венгрию завершилась, и я возвращался в Москву. Закончился один из весьма насыщенных событиями периодов в моей жизни. Я достаточно обстоятельно узнал и полюбил эту страну, изучил историю, язык, обычаи и культуру венгерского народа. В Венгрии я приобрел хороших друзей из интеллигенции, рабочих, крестьян, близко сошелся со многими венгерскими руководителями. За работу в посольстве, в том числе во время событий осени 1956 года, меня удостоили высокой правительственной награды – ордена Трудового Красного Знамени.

Из Венгрии мы вернулись уже с двумя сыновьями: в 1957 году у нас родился второй ребенок. На родину возвращались с радостью, хотя понятия не имели, что нас ждет впереди: жилья ведь в Москве у нас не было никакого, не знали даже, куда ехать с вокзала. Друзья, однако, заранее побеспокоились и сняли для нас номер в гостинице «Бухарест».

И вдруг на следующий день после приезда в Москву неожиданность – меня попросили позвонить в ЦК КПСС, в отдел, которым заведовал наш бывший посол Юрий Владимирович Андропов.

Так я попал на работу в аппарат ЦК КПСС и с того момента уже не распоряжался своей судьбой, трудился на тех участках, куда меня направляли. Конечно, согласие формально спрашивали, но отказываться тогда было не принято. Поэтому все мои последующие назначения осуществлялись сверху, а мне, со своей стороны, оставалось каждый раз лишь благодарить за оказанное доверие.

Первой моей ступенькой в отделе ЦК КПСС по связям с рабочими и коммунистическими партиями социалистических стран была должность референта в секторе по Венгрии и Румынии, то есть я продолжал трудиться на полюбившемся мне венгерском направлении.

Должен сказать, что это меня вполне устраивало. В соответствии с действовавшим тогда порядком всеми наиболее серьезными проблемами наших отношений с социалистическими странами занималась Старая площадь. МИД в этих условиях отводилась довольно скромная роль ведения текущей, по большей части технической работы на двустороннем направлении. Вся кухня большой политики варилась в здании ЦК КПСС. Даже моя скромная должность референта в отделе ЦК открывала доступ к таким вершинам наших отношений с Венгрией, к которым в МИДе допускалось разве что самое высокое руководство. Так что сомнений в правильности выбранного, к тому же и не мной, пути у меня не было и быть не могло.

Помимо прочего, работа в аппарате ЦК позволила быстро решить жилищную проблему: вскоре наша семья из пяти человек получила 2-комнатную квартиру площадью 29 квадратных метров. Радости нашей не было предела! Пожалуй, я был чуть ли не единственным из советских венгроведов, кто получил в те времена отдельную квартиру. Поэтому много лет подряд Новый год и другие праздники мы отмечали с друзьями в нашей семье.

Жена легко нашла работу по специальности – устроилась в соседнюю среднюю школу преподавателем русского языка и литературы. Работа двух человек в семье в ту пору гаранти-

рвала стабильный достаток. Кроме того, мне удавалось подрабатывать переводами с венгерского, а иногда еще получать гонорары за статьи и брошюры. Пожалуй, впервые мы узнали, что такое нормальная, вполне благоустроенная жизнь.

К сожалению, то относительное благополучие, в котором мы застали страну по возвращении из командировки, продлилось недолго. Вдруг словно что-то надломилось. Беднее стал ассортимент, прежде всего продовольственных товаров. На колхозных рынках резко повысились цены на мясо и другую сельскохозяйственную продукцию.

Было ясно, что начала сказываться политика Н.С. Хрущева по ограничению, а затем и откровенному зажиму приусадебных хозяйств, сопровождавшаяся передачей скота из личного пользования в колхозы и совхозы. Повсеместно пошел неконтролируемый убой скота и птицы, стали сокращаться площади под индивидуальными садами и огородами. Тогда еще мало кто отдавал себе отчет в том, к каким катастрофическим последствиям приведет такая политика, насколько далеко назад будет отброшено наше сельскохозяйственное производство. Ведь отрицательные последствия хрущевского волюнтаризма мы продолжаем ощущать и по сей день!

Но главное даже не в сокращении производства продуктов сельского хозяйства, а в том, что люди из активных тружеников не по своей воле превращались в чистых потребителей, иждивенцев на шее государства. Крестьянина отлучили от труда во имя утопических идей скорейшего торжества коммунистических отношений на селе. А неполадки (мягко выражаясь) в деревне потянули за собой и промышленность. Беда в том, что заносило Хрущева, к сожалению, не только в этом.

Плод его неумной инициативы – постоянные реорганизации по вертикали и горизонтали, манипуляции с партией, выражавшиеся в попытках разделить ее на городскую и сельскую организации, масштабная химизация, рассматриваемая как панацея решительно от всех трудностей в нашей экономике, удары по металлургии, по кирпичному производству (блочные дома, метко прозванные в народе «хрущобами», до сих пор уродуют вид наших городов), в социальной области – то заигрывания с интеллигенцией, то удары по ее представителям, на внешнеполитическом фронте – сначала многочисленные мирные инициативы, а затем скатывание вплотную к войне с последующим поспешным отступлением ради сохранения мира.

Ведущие политики мира нередко сбивались с толку, пытаясь дать оценку отдельным внешнеполитическим шагам Хрущева и хоть как-то спрогнозировать дальнейшее развитие событий. Хотя зачастую не было никакого смысла искать глубинные мотивы того или иного нашего шага.

Помню, как-то в ответ на просьбу Кадара дать пояснения по поводу очередного заявления советского лидера Хрущев простодушно признался: «Сморозил я, а мир гадает, что это означает. Да ни хрена не означает!»

Немудрено поэтому, что стабильности и ответственности в стране становилось все меньше и меньше. Нетерпимость ко всему, что не укладывалось в господствующие стереотипы, губила те ростки демократии, которые возли благодаря политике самого же Хрущева в первоначальный период его правления. Народ устал от нескончаемых перегибов, шараханий и не только не одобрял многочисленные изменения в политике, экономике, государственном устройстве, но толком и не понимал их значения, тем более что жизнь становилась все хуже, росла неуверенность в завтрашнем дне и вместе с ней социальная напряженность.

В этих условиях октябрь 1964 года – смещение Хрущева – лег как бы на созревшую для этого почву. Люди ждали солидной политики, стабильного курса. Никто не верил в широко провозглашенные лозунги с точными сроками построения коммунизма, решения продовольственной, жилищной и других острейших социально-экономических проблем.

Вместе с тем для многих приход к руководству Л.И. Брежнева также не представлялся идеальным решением. Было очевидно, что это – фигура весьма заурядная, слишком приверженная старому стилю, в сути которого люди уже разобрались и в душе не поддерживали его.

Но провозглашенная Брежневым программа все же больше импонировала прежде всего своим спокойным подходом, уверенностью, приземленностью. Намечались совершенно конкретные меры по улучшению жизненного уровня, четко заявлялось о необходимости развития личных подсобных хозяйств. Были отменены меры, вызывавшие у людей наибольшее раздражение и непонимание: упразднены совнархозы, поломавшие сложившиеся вертикальные и горизонтальные связи в народном хозяйстве, сняты ограничения на индивидуальную трудовую деятельность в городе и деревне, прекращено разрушение металлургической промышленности и многое другое.

Брежнев покончил с делением партии на городскую и сельскую (то же самое деление при Хрущеве было осуществлено и для структур советской власти на местах). Все эти меры дали быструю отдачу – жизнь в стране на глазах стала входить в нормальную колею, чему в немалой степени помогало и то, что главное внимание теперь уделялось производству: централизованные и плановые начала еще сохраняли определенные резервы и упор делался на их максимальное использование.

Однако по-прежнему давала о себе знать наша главная ошибка, которая состояла в том, что мы продолжали идти по пути сохранения и усиления административно-командной системы.

Ритмичная работа, относительно четкие планы, активизация внешнеторговых связей, лишенный ненужной эмоциональности подход давали определенные результаты, но все же довольно скромный в целом жизненный уровень народа повышался в основном за счет увеличения продажи другим странам сырья, прежде всего нефти. Получаемую валюту почти целиком тратили на закупки продовольствия и ширпотреба. В общем, шел нездоровый процесс простого воспроизводства и проедания с таким трудом созданных накоплений.

В политике, экономике, практике и теории – повсюду свирепствовал догматизм, ни о каких серьезных реформах не было и речи. Для многих было очевидно, что мы пожираем самих себя.

Не могло не вызывать озабоченности и то обстоятельство, что государству стало все труднее сводить концы с концами. Поэтому повсюду начали приукрашивать, манипулировать фактами, играть показателями.

Как всегда бывает в таких случаях, появилось стремление компенсировать внутренние трудности за счет чего-то положительного во внешней политике. И здесь, надо признать, многое было сделано. Активизировался процесс переговоров по разоружению, по проблемам безопасности и сотрудничества в Европе, расширилось наше участие в различного рода международных конференциях.

Надо отдать должное Брежневу – много внимания уделялось отношениям с социалистическими странами, наши связи получили заметное развитие. Регулярно проходили встречи на высшем уровне, активно велись двусторонние переговоры по конкретным направлениям сотрудничества, исключительно широким стал обмен делегациями, опытом. Однако внешнее благополучие не могло скрыть те негативные процессы, которые зарождались как в недрах отдельных союзных государств, так и в социалгере в целом. В отношениях СССР с другими социалистическими странами нередко возникали трения.

Вспоминается в этой связи один, на мой взгляд, весьма характерный эпизод.

Леонида Ильича Брежнева продолжало волновать сдержанное отношение Кадара к смещению Хрущева. Контакты у Кадара с Брежневым никак не налаживались, сохранялась какая-то взаимная настороженность. А тут еще Кадар все время подливал масла в огонь, продолжая оказывать Хрущеву знаки внимания: время от времени присылал ему к праздникам то фруктов, то хорошего венгерского вина. При этом он пояснял, что считает Хрущева своим товарищем и не собирается отворачиваться от него.

После некоторых колебаний Брежнев решил первым сделать шаг навстречу. В конце февраля 1965 года Брежнев и Подгорный решили нанести визит в Будапешт и обстоятельно побеседовать с Кадаром.

Я уже работал заведующим венгерским сектором отдела ЦК КПСС, и поэтому мне было поручено сопровождать руководство в этой поездке.

Кадар пригласил на официальную встречу с Брежневым еще нескольких товарищей из политбюро ЦК ВСРП. Складывалось впечатление, что один на один разговаривать он не захотел, и это явно не понравилось Леониду Ильичу.

В ходе беседы обменялись информацией об обстановке в своих странах, подчеркнули намерение и дальше развивать двусторонние советско-венгерские отношения, но – вопреки сложившейся практике – никаких комплиментов в адрес друг друга собеседники не произносили. Вопрос о смещении Хрущева Брежнев не затрагивал, чем хотел подчеркнуть, что рассматривает этот шаг как сугубо внутреннее дело Советского Союза.

После завершения официальной части Кадар пригласил советских гостей поехать на охоту в одно хозяйство на юге страны, под городом Печем. Приглашение было с готовностью принято – Брежнев и Подгорный были заядлыми охотниками.

В путь отправились специальным поездом. В вагон-салоне Кадар старался разговорить гостей, подбрасывал то одну, то другую тему, предлагал в менее официальной обстановке обсудить ряд конкретных проблем, но беседа как-то не клеилась. Всем показалось, что Брежнев, не имея под рукой заранее заготовленных материалов (а существом дела он не владел), просто растерялся. В конце концов, по-моему, понял это и сам Кадар.

Перешли на охотничьи темы, и тут уж беседа пошла вовсю. Особенно был активен Подгорный. У него наготове была масса охотничьих историй, приключившихся будто бы лично с ним. Успел он, правда, рассказать не больше двух-трех, так как краткостью явно не отличался.

Венгерские друзья слушали с показным вниманием, тактично реагировали на рассказы, иногда – в порядке подтверждения своего интереса – задавали даже уточняющие вопросы, на которые тут же получали самые исчерпывающие ответы. Так и пролетели все четыре часа путешествия в поезде.

По прибытии на станцию назначения пересели в машину и через тридцать минут въехали уже на территорию охотничьего хозяйства с приличной, по венгерским масштабам, площадью несколько сот гектаров. Затем уже на повозках, запряженных лошадьми, поехали по лесной дороге к месту охоты. Из густых зарослей кустарника иногда показывались кабаны, то здесь, то там перебегали дорогу косули. Лес вокруг стоял девственный, с могучими деревьями неопиваемой красоты.

Вскоре прибыли на место. Наблюдал я охоту впервые, и она мне запомнилась на всю жизнь. Охотники заняли места и изготовились к стрельбе. Я стрелять отказался, сославшись на то, что не охотник.

Егеря тем временем начали выгонять фазанов, которые буквально сотнями стали вылетать из зарослей, многие из них тут же падали камнем, сраженные меткими выстрелами. Кадар и его товарищи стреляли редко, больше просто наблюдали, обмениваясь между собой впечатлениями. Брежнев же палил вовсю! С ним рядом находился порученец специально для того, чтобы перезаряжать ему ружья.

Леонид Ильич, отстрелявшись в очередной раз, не глядя протягивал пустое, еще дымящееся ружье порученцу и принимал от него новое, уже заряженное. А бедные фазаны, которых до этого прикармливали несколько дней, все продолжали волнами лететь в сторону охотников...

Эта бойня, которая и по сей день стоит у меня перед глазами, прекратилась лишь с наступлением темноты.

У охотничьего домика разложили трофеи, к фазанам добавили еще нескольких зайцев, двух кабанов. Кадар и его товарищи взяли по одной птице – таков порядок, за следующий трофей надо уже платить коммерческую цену. На гостей, разумеется, эти порядки не распространялись.

Вечером состоялся дружеский ужин. Первым охотником был признан Брежнев, вторым – Подгорный. Как и в поезде, начался обмен впечатлениями, опять пошли бесчисленные охотничьи байки. Впрочем, Кадар все-таки ухитрился затеять серьезный разговор, причем весьма полезный. Речь пошла о реформах.

Он сказал, что Венгрия намерена идти путем реформ, стоять на месте больше нельзя. Венгры должны рассчитывать только на себя, подчеркивал Кадар. Скоро будет решена проблема производства достаточного количества зерна, что улучшит ситуацию в стране на продовольственном фронте (так оно и произошло!).

Кадар говорил, что следует оживить коммунистическое движение, оно и так застоялось, критически отзывался о работе Совета экономической взаимопомощи. Пожаловался он и на плохое качество как венгерской, так и советской промышленной продукции.

Брежнев не спорил, хотя конкретных ответов не давал, отделяваясь обещаниями во всем разобраться и обязательно вернуться к этим вопросам в будущем. Мысли его, по-моему, все еще вертелись вокруг недавней охоты, приятные впечатления от которой он не хотел портить никакими серьезными разговорами.

По итогам визита было опубликовано совместное коммюнике. Оно получилось теплым. В общем, лед начал таять. Кадар остался доволен, что все-таки именно Брежнев с Подгорным первыми приехали к нему, самолюбие его было удовлетворено. Брежнев же понял, что не может не считаться с авторитетом, которым пользовался Кадар, в том числе и в Советском Союзе.

Постепенно советско-венгерские отношения полностью вернулись в нормальное русло. Однако заниматься венгерской проблематикой мне оставалось уже недолго: не зависящие от меня обстоятельства в очередной раз круто изменили мою судьбу.

В 1967 году Андропову неожиданно предложили перейти из ЦК КПСС на работу в КГБ СССР. Сам Андропов узнал об этом лишь в тот день, когда ему было сделано это предложение. Идея назначения на этот пост именно Юрия Владимировича родилась не случайно и явилась следствием тех непростых отношений, которые сложились тогда в высшем руководстве, и в частности у Л.И. Брежнева с А.Н. Косыгиным.

К тому времени я уже два года работал помощником Андропова (как секретаря ЦК КПСС), что позволяло быть в курсе многих дел, связанных с обстановкой в высших эшелонах власти. Должен сказать, что заседания политбюро и секретариата ЦК КПСС проходили тогда бурно и подолгу. Речь на них часто шла не только о каких-то сугубо конкретных вопросах, но и в более широком плане о путях дальнейшего развития советского общества.

Брежнев был сторонником постепенных перемен, предлагал проводить их без спешки, без потрясений, без революционной ломки. Косыгин же выступал за путь более радикальных реформ. Отстаивая свои идеи, он проявлял редкостное упорство, не выносил возражений, болезненно реагировал на любые замечания по существу предлагаемых им схем и решений. Экономiku он вообще считал своей вотчиной и старался не подпускать к ней никого другого. Этим Косыгин настроил против себя многих членов высшего руководства.

На определенном этапе накал разногласий в политбюро достиг апогея, и вопрос встал о выборе между двумя подходами к развитию нашего общества. Линия Брежнева взяла верх. Он стал укреплять свои позиции в руководстве, но в порядке уступки Косыгину все же был вынужден согласиться с его предложением о перемещении Андропова с участка социалистических стран и, главное, из аппарата ЦК КПСС.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.